

ИРМАТА АРЪЯР

16+

Тирра

НЕВЕСТА НА УДАЧУ,
ИЛИ
ПОПАДАНКА ПРОТИВ!

Ирмата Арьяр

Тирра. Невеста на удачу, или Попаданка против!

Серия «Тирра», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68045119
SelfPub; 2022*

Аннотация

Шла в комнату, а попала... в чужое тело, чудом уцелевшее после катастрофы в ином мире. Домой бы вернуться. Не надо мне вашей магии. И титула чужого не надо, и наследства, и проблем с опекуном, и красивого знатного жениха. Особенно когда этот жених – псих, некромант и чернокнижник, таинственный Черный Ворон Его Величества. Ты не вейся, Черный Ворон, мы, Коршуновы, цену себе знаем!

Все части цикла «Тирра»

1. Тирра. Невеста на удачу, или Попаданка против!
2. Тирра. Поцелуй на счастье, или Попаданка за!
3. Тирра. Игра на жизнь, или Попаданка вне игры
4. Темный отбор

Содержание

Глава 1. Беглая невеста	4
Глава 2. Колодец с начинкой	31
Глава 3. Каморка матушки Зим	48
Глава 4. Рождение Тайры Вирт	66
Глава 5. Черный Ворон его величества	86
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ирмата Арьяр

Тирра. Невеста на удачу, или Попаданка против!

Глава 1. Беглая невеста

– Тир-рра! – Оглушительный мужской рев сотряс стены дома.

Боже, боже!

Сняв туфли и еле удерживая их в руке, я почти скатилась по лестнице, едва не свернув себе шею.

– Стоять! – рявкнуло позади, всего лишь этажом выше. И гроыхнуло. Очень сильно гроыхнуло. И запахло паленым.

Боже, он сейчас меня убьет! Точно убьет!

От ужаса я выронила одну туфлю. Возвращаться не стала, перехватила за носок вторую – сойдет за молоток. Буду драться.

Светлые небеса, я с ума сошла! С ним?

Придерживая одной рукой подол платья, я летела по коридору, попутно цепляя каблуком обуви, как крючком, рыцарские доспехи и высокие вазы и роняя их на пол. Преследователю хоть какое-то препятствие. Судя по ругательствам – существенное.

Бам-с, бум-с, брям-с... Погибать, так с музыкой!

Завернула за угол. Вот и дверь бокового входа замаячила впереди светлым прямоугольником. Приоткрытая. Спасибо, Небо! Никто не успел захлопнуть дверь за последние полчасика, прошедшие с тех пор, как я ее собственноручно открыла. Замечательная планировка у дома – со всех четырех сторон есть выходы. Парадный, задний для челяди и кухонных нужд и два крыльца с торцов – в сад и к конюшням. Я бежала к выходу в сад.

– Тир-ррра! Стой, дрянь! – рычало уже совсем близко. Не успею. Жаль.

Размахнувшись, я со всей силы швырнула туфлю во входную дверь и одновременно уронила бронзовую стойку для зонтов с торчащей оттуда метлой. Она очень удачно снесла пятирожковую вешалку и создала баррикаду. Треск дерева и лязг металла заглушил стук каблука о дверное полотно.

Дверь от удара распахнулась настежь, туфелька осталась лежать на крыльце, а я юркнула в неприметную дверку гостевого гардероба, тихо прикрыла ее за собой и зажала обеими руками рот, чтобы хоть как-то заглушить шумное дыхание. Не дура же я, чтобы в свадебном платье по саду бегать, тут же в ветках юбками запутаюсь. Мне и лестниц с коридорами хватило. Сказывалось долгое отсутствие тренировок, – сердце выпрыгивало, в глазах темнело.

Бег преследователя оборвался у самой двери.

– Тирра! Прроклятье! Меррзавка!

Ругань, лязг и треск – это он баррикаду расшвыривал. Потом раздался удаляющийся грохот сапог. Спасибо, Светлые Небеса, спасибо!

Во двор выскочил. А там есть где мне теоретически спрятаться: кусты, беседки.

Колодец для полива.

Может, я утопиться решила с горя. Могу ведь? Запросто. Вчера так всем и заявила, когда истерику закатывала за ужином: «Утоплюсь, а замуж за это чудовище не пойду! Сами идите, если надо!».

– Ти-ир-рра! – Еще один вопль снаружи. По саду бегают. – Вернись немедленно, все равно найду! Хуже будет!

Ага, ага. Жди.

Я вытащила из изящного кружевного кошелька, привязанного к поясу, украденный утром ключ (чтобы никто не закрыл мой запасной вариант бегства), осторожно повернула в замке и тут же вынула, чтобы в замочной скважине не торчал. Не дураки тут живут. Мерзавцы, негодяи, деспоты, но не дураки.

Потому других способов избавиться от них не было, кроме сумасшедшего.

И пока все шло удачно.

Никто не догадается искать меня тут. Гостевая гардеробная летом самая бесполезная комната в доме. Разве что зонты сушить пригодится да ковры сюда сносят и складывают, чтобы выбить пыль. В остальное время года слуги уносят сю-

да плащи, шубы и капоры наших бесчисленных гостей. Когда мой опекун барон Гинбис и его престарелая мамаша дают званые ужины, к нам съезжается весь высший свет.

На мои деньги едят и пьют, сволочи. Ну, как на мои... на деньги Тиррины Барренс, единственной наследницы погибшего графа Ларса Барренса и его жены. Их дети погибли в той же катастрофе. Все.

Кроме Тиррины.

После катастрофы пятнадцатилетняя Тирра потеряла прежнюю красоту, память и магию. Бедняжка уже не могла обучаться в закрытой магической Школе Ока и ее отчислили, а единственные дальние родственники быстренько закогтили богатую, но больную и слегка помешанную сироту, выхлопотали у короля опекунство и вселились в столичный дом покойного графа Барренса.

И никто не знал, что и средняя дочь Тиррина погибла вместе с родителями. А в ее теле немислимым образом оказалась я, Тамара Коршунова, дочь преуспевающего бизнесмена и студентка второго курса инфака.

Я до сих пор не могу вспомнить ничего, что произошло со мной на Земле и поспособствовало перемещению. Ни единой зацепки. Помню только, что я спала дома, в своей постели, и проснулась, чтобы пойти в туалет, открыла дверь своей комнаты... и оказалась в лечебнице другого мира.

Год я прожила, прикованной к постели в чужом искале-

ченном теле, и думала, что свихнусь или сдохну.

Выжила.

Научилась притворяться. Молчать. Ненавидеть. Запоминать.

Благодаря развитой памяти и умению заучивать полсотни слов в день, я и освоила так быстро местный язык. Хуже оказалось с терминами чужих реалий, культурой и этикетом, но никто не требовал прежнего блестящего ума от девушки, чудом уцелевшей и потерявшей память после страшного магического удара и пожара в фамильном особняке. Потеря памяти – удобнейшая отмазка на все случаи жизни во всех мирах.

Но не панацея от всех бед, главной из которых оказалась семейка Гинбисов.

– Тирра! – разорялся барон в моем саду.

Сердце колотилось в груди так сильно, что впору опасаться перелома ребер изнутри. Боже, какие глупости в голову полезли! Значит, все в порядке, можно расслабиться, и мозг первым сигнализирует, что опасность миновала. Два-три часа самозаточения в пыльном карцере, и я свободна.

Бракосочетание отменяют. Не будет же столько часов ждать невесту жених и приглашенные высокие гости.

Я прислушалась. С улицы доносился гвалт, по коридору пробежал еще кто-то.

– Что происходит, Ирвин? – Визгливый голос старой ба-

ронессы разносился из фойе на весь дом. – Где эта дрянь? Мы уже заждались!

Это чудо, что все – и носатая гувернантка, и баронесса с компаньонками – ждали меня у парадного входа, и все любопытствующие слуги там же собрались. А я, улучив момент, когда все домочадцы вышли проводить невесту, сделала вид, что забыла маменькин фамильный кулон и поднялась к себе. А там ринулась к лестнице в сад.

Если бы не мерзкий опекун, получилось бы сбежать.

Да и сейчас церемония считай сорвана.

Не повезут же меня выдавать замуж такую растрепанную, босую, в разодранном платье. Проще признать, что невеста сошла с ума или слегла в горячке от счастья, все меньше позора семейству.

Представляю, какие сплетни поползут. И предвкушаю, как будет бледнеть и кривиться старая баронесса.

Паучиха.

Это ее мечта – если не убить, то ограбить и как можно выгоднее продать троюродную племянницу. Хотя какая я ей племянница?

Я – Тамара Коршунова, три года назад я попала в тело пятнадцатилетней дочери графа Барренса. Это надо помнить.

Я выдохнула, страх и азарт медленно отпускали меня. По виску стекала капелька пота.

Жарко. А я дева нежная, мне в обморок полагается падать, а не гонки с опекуном устраивать. Хорошо, окно приоткры-

то, даже решетка поднята.

— Где эта мерзавка малолетняя? — зычно орал мой опекун. — Найдите мне ее! Она не могла никуда ни убежать, ни спрятаться! Не в колодец же бросилось это отродье гварки. Проверьте колодец!

— Лестницу! Лестницу несите! — раздался вопль. Только у нашего садовника такая луженая глотка.

Я улыбнулась. Кроме горничной Лисси, еще старый садовник Бер посвящен в мой план и затянет поиски как можно дольше. Наверняка ни одной пригодной лестницы в хозяйстве не найдется.

А в колодце простыня белая должна плавать, свадебное платье утопленницы изображать. Час назад горничная туда бросила и шелковую простыню, и большой лоскут тюля. Даже если простыня утонула, клочок тюля вполне сойдет за фату. Барон, конечно, горничную допросить может, но Лисси — кремень. Не предаст. Она уже три года меня жалеет и покрывает, с тех пор как родители Тиррины погибли, и сорокалетний вдовец, барон Гинбис, назначен королевским указом моим опекуном.

Он бы и сам на мне женился из-за приданого, если бы не прямой запрет местного короля. Дай Небо его величеству долгих лет и здоровья!

Я с наслаждением опустилась прямо на пол, вытянула ноющие от бега ноги, поправила роскошные, кое-где порванные кружева платья. Пусть мнутся и пачкаются в пы-

ли. Пусть. Не жалко. На мое наследство куплены. Гинбисам меньше достанется.

Когда я по привычке расправляла складки, залюбовалась помолвочным кольцом, переданным мне вчера от жениха. Огромный и баснословно дорогой бриллиант так ярко сверкнул в луче солнца, что я перепугалась, как бы кто снаружи не заметил. Повернула перстень камнем вниз. Очень неудобно, но потерплю.

Даже страшно представить, каким был бы камень на венчальном кольце. С куриное яйцо? Хорошо, что я этого не увижу.

Как и самого жениха.

О предстоящей свадьбе я узнала вчера за обедом.

– Дорогая, с днем рождения. А у нас для тебя подарок! – схибно улыбнулась баронесса, делая знак сыну. – Ирвин, сыночек, вручи ей.

Гинбисы никогда ничего мне не дарили за три года, потому я напряглась. И не зря. Опекун поднялся из-за стола и положил передо мной коробочку и лист гербовой бумаги.

– Сегодня тебе исполнилось восемнадцать, Тиррина, – с некоторой даже торжественностью сообщил он. – Ты вошла в брачный возраст и завтра выходишь замуж.

И навис за плечом, огромный, как медведь. Он ужасал размерами и непропорционально маленькой головой с лысым черепом и выдвинутой вперед челюстью с мощным под-

бородком. На человека он походил столь мало, что бродили слухи, будто графиня изменяла мужу с *гобри*, как называлось племя «скальных людей», из которых обычно нанимали охрану для устрашения грабителей. Только у нищих Гинбисов нечего было грабить, пока Ирвин не стал моим опекуном.

– Как замуж? – Сердце упало в пятки. – Уже? За кого?

– О, это блестящая партия для такой невоспитанной уродливой дикарки! – оскалилась старуха, сидевшая напротив меня за столом.

За три года можно было бы привыкнуть к тому, что она каждый день пытается втоптать меня в грязь по любому поводу, но самый ее излюбленный конек – мое «уродство». Ослепительная Тиррина, уже в пятнадцать лет считавшаяся чуть ли не первой красавицей королевства, после пожара получила такие ожоги, что все ее завистницы теперь злорадно ухмылялись.

За три года магического лечения на теле не осталось почти никаких следов, хотя, как мне рассказывала Лисси, моя кожа еще не вернула былое сияние и нежность.

Светлое Небо, о каком сиянии мечтать, если не исчезло главное – необычный след на лице, не сводимый никакой магией! Именно из-за этого ожога каждая престарелая тварь шипела о моем уродстве.

Их бы в наш мир отправить всех скопом, прямиком в салон тату. Тогда бы они поняли, что красота – это всего лишь мода. Мне, Тамаре Коршуновой, охряный след стран-

ного ожога даже нравился.

Больше всего он походил на изящную татуировку невиданного хищного цветка-спрута. Необычный «вьюнок» с зазубренными остроконечными листьями-щупальцами уселся на правом виске и пустил жадные щупальца к брови и на скулу.

Правда, никто, кроме меня не узнавал в ожоге растение, а видели лишь безобразное, как спрут, пятно. Горничная Лисси говорила, что иногда ей кажется, будто «щупальца» шевелятся, и это вгоняло ее в такой страх, что девушка роняла расческу.

«Вьюнок» жил своей жизнью. Иногда ожог невыносимо зудел, чуть-чуть подрастал или, наоборот, уменьшался в размерах. Иногда кожу на правом виске стягивало холодом или обдавало жаром. Рисунок веточек слегка менялся, выползал то на лоб, то на скулу. И это пугало, – не хотелось, чтобы лицо превратилось в подобие карнавальной маски.

Целители только руками разводили – никогда с таким не сталкивались. И как избавиться от устрашающего украшения, которым не пристало щеголять благородным девицам, не знали. Единственное, что они могли рекомендовать – носить маску. Они бы еще паранджу мне предложили!

Я не прятала ожог, а всячески демонстрировала, и требовала у Лисси, чтобы она мне забирала волосы в пучок.

– Мой ожог не уродливее, чем ваши морщины, тетушка, – парировала я. – А что до воспитания, то мне просто не с кого

брать пример за этим столом.

– Тварь! – взвизгнула баронесса.

Потеряв к ней интерес, я повернулась к опекуну. Всегда садилась за стол так, чтобы этому безмозглому шкафу портил аппетит мой «выюнок».

– Я задала вопрос, на него никто не ответил. За кого вы выдаете меня замуж, братец? Какой дурак позарился на «уродливую невоспитанную дикарку»? Надеюсь, он достаточно богат и знатен?

По квадратной морде Ирвина поползла не просто злорадная, а какая-то плотоядная усмешка.

– Не беспокойся, сестрица. И богат, и знатен. Так богат, что ему чихать на твое приданое. Наследство графа Барренса останется под моим управлением до твоего совершеннолетия, а это еще три года, дорогая. Примерь колечко.

Опекун раскрыл коробочку, и алмазные блики, казалось, осветили всю столовую. Баронесса алчно всхлипнула и подалась вперед, челюсть ее задрожала, а в хриплом стане прозвучало неподдельное сладострастие:

– О-о-о!

– Не похоже, что бриллиант настоящий, – с подозрением прищурилась я. Такими огромными в моем представлении могли быть только дешевки-фианиты в вульгарных подделках.

– У камня есть магический сертификат, – обиделся опекун, словно сам выбирал это ужасное кольцо, и даже проде-

монстрировал бирку, которая переливалась маленькой радугой.

Я залюбовалась биркой больше, чем помолвочным кольцом. Сколько живу в этом мире, все не могу привыкнуть к маленьким чудесам. Да и где мне привыкать? Сначала больница, потом затворничество в особняке...

– Примерь, – щедро предложил опекун, а глаза подозрительно сощурились.

– Ну, а имя и родословная у жениха есть? – Я отдернула руки и спрятала их за спиной.

– Есть. – Ирвин поморщился, как от зубной боли. – Тебе оказал честь предложением руки и... э-э-э...

– Сердца, – подсказала баронесса.

– Терпеть не могу ливер, – пробормотала я, заслужив ее гневный взгляд.

– Руки... – запутался барон. – Уймись, женщины! Тирра, ты выходишь замуж за графа Орияра.

В правый висок словно впилось ядовитое жало – такая боль пронзила голову. В глазах помутилось. Я ухватила за край стола, чтобы не упасть.

– За какого еще Орияра?

– Она же у нас больная на голову, Ирви, – проскрипела старуха. – Не помнить знатнейшую фамилию королевства – это уму непостижимо! Такую же древнюю, как королевская! Граф Дэйтар Орияр...

– Подождите! – Я прижала ладонь к взорвавшемуся пуль-

сирующей болью виску.

Обрывки чужой памяти вспыхивали как оглушительные и ослепительные фейерверки. Граф Дэйтар Ориар. Маг. Обладатель Черного Ока. Некромант.

Некромант! Боже, боже!

И что-то еще... Что-то такое, от чего сердце разрывается от ужаса и обреченного отчаянья. Ориары – Черные Вороны, сидящие на спинке трона. Тайные убийцы, охраняющие спину короля от тварей Изнанки. Ловцы, судьи и палачи в одном лице.

И еще словно кто-то пытался прорваться сквозь царивший в голове гул и сказать что-то важное. И не мог.

Каркала баронесса:

– Дэйтарrrr! Оррияrr! Гррраф! Как можно не знать Ворона Корроля?!

Каркал барон:

– Бррачный договорр!

Кружились стайкой черные точки в глазах.

– Что? Какой договор?

Опекун, больно сжав предплечье, схватил мою руку, вложил в пальцы перо и подвинул пергамент.

– Брачный договор! Подписывай!

– Почему Ориар? – выдавила я.

– Приказ короля, – припечатал Ирвин.

И ловко прикрыл салфеткой убористый текст листа, оставив только узкую полоску в самом низу для подписи.

Я не пыталась вырвать руку, бесполезно. С его силищей тролля он и сломает – не заметит. Просто разжала пальцы, и перо выпало, испачкав кляксой драгоценный, из тончайшей тисненной кожи, документ.

Барон процедил сквозь зубы:

– Дура. Я хотел как лучше. По закону твоей подписи и не требуется, но твой женишок возжелал удостовериться, что невеста ознакомлена.

– Я не ознакомлена.

– И не надо. Не твоего ущербного ума это дело. Уж я твоей, а значит, моей выгоды не упущу, – ухмыльнулся мой мучитель и, взяв серебряный нож, которым я еще не успела воспользоваться, провел острием по моему пальцу.

– Ай! – заорала я, пытаясь вырвать несчастную конечность.

Старуха, вытянув шею, чтобы получше видеть происходящее, облизнулась. Людоеды!

Опекун размазал по подушечке моего пальца выступившую капельку крови и быстро прижал к документу. Оттиск вспыхнул алым огоньком и намертво впаялся в пергамент, даже рельеф проступил.

– Вот и все. – Отпустив меня, барон свернул проклятый договор в рулон и спрятал за пазуху. – Магическое освидетельствование пройдено, твое согласие принято, королевская канцелярия, считай, оповещена.

В принципе, моего согласия по закону и не требовалось

в брачном договоре, тогда зачем оно? Какой документ меня заставили подписать? По алчному и торжествующему взгляду баронессы я поняла: для меня все очень плохо. Ограблена и продана.

– Я не согласна! – с ненавистью прошипела я, потирая ноющую руку. – Я против замужества, кандидатуры Ориара и... и...

И вообще, против всего этого странного мира. Домой хочу. Господи, как же я хочу домой!

– Поздно, сестрица, – радовался троюродный брат Тиррины. – Вечером доставят свадебное платье и прочую дребедень. Сам король взял на себя расходы.

– С чего бы это?

– Иногда твоя потеря памяти только во благо, – хихикнула баронесса.

Мать с сыном переглянулись и промолчали, мерзко усмехнувшись. А мой правый висок опять обожгло: татуировка пошевелилась. Меня замутило; такое ощущение, что «выюнок» пытался прорасти вглубь, прямо в мозг. Отвратительнейшее ощущение. И от шепота, прозвучавшего в голове, я уловила только одно слово: «Опасно!». Как будто я и без того не знаю, что опасно.

Каждый мой день за три года в этом мире – хождение по краю лезвия.

Родственнички с радостью убили бы меня, чтобы завладеть моим состоянием, или заперли в лечебнице для душев-

нобольных, но отец Тиррины оказался предусмотрительным: в этом случае наследство перейдет королю или больнице, и моих денег этой семейке никогда не видать. О, если бы граф еще догадался назначить Тирре в завещании нормального опекуна!

Моя единственная надежда была – сбежать и подать прошение королю. Оно еще ночью написано, омочено слезами и спрятано под корсетом. Остается добраться до дворца, а в этом мне Бер и Лисси помогут. Но как быть, если сам король выступил в роли свата? Зачем ему женить графа Орияра, одного из самых приближенных к трону сановников и магов, на лишенной магии изуродованной девчонке? Других невест не нашлось?

Какое-то смутное воспоминание пыталось достучаться в мой возбужденный ум. Чужое воспоминание.

Только вечером, когда уже было примерено и унесено для подгонки изысканное свадебное платье, я сумела расспросить Лисси о женихе.

И мои мрачные предчувствия оправдались.

– Какой ужас! – воскликнула горничная, перестилавшая в этот момент мою постель. – Только не граф Орияр!

– Почему? Он стар? Уродлив?

– А вы совсем ничего не помните?

Я бросила на ее отражение гневный взгляд, сидя у зеркала, где тренировалась в искусстве гримирования, рисуя себе

куда более ужасные ожоги, чем вполне симпатичный «вьюнок». Если бы помнила, разве спрашивала бы?

– Он не стар, миледи. Ему двадцать четыре всего лишь. Осенью исполнится двадцать пять. Ваши отцы были дружны, и молодой Дэйтар, тогда еще виконт, часто бывал в вашем доме и тут, в столице, и в поместье. И вы всей семьей, бывало, гостили в доме Орияров. Мы, слуги, тоже знакомы были между собой. Жаль, что вы ничего не помните.

У Лисси привычно выступили слезы на красивых карих глазах. Она всегда плакала, вспоминая тот день, когда погибла семья ее хозяев, а сама она чудом уцелела – лишь потому, что накануне ей дали выходные из-за болезни ее тетушки. Я вздохнула. Плакать у меня не получалось, а вот тосковать по родителям, подругам и потерянному комфортному и безопасному миру... Взмолвленная Лисси промокнула глаза уголком наволочки, ойкнула и, бросив на меня виноватый взгляд, бросилась за свежим бельем.

Вернулась она очень быстро и, едва переведя дух, продолжала:

– Очень уж крепко они дружили, всем на удивление. Никто не мог понять, что связывает Черного Ворона его величества и вашего батюшку, очень уж они разные были. Они даже сговорились породниться: женить виконта на вашей старшей сестре, когда леди Даиссия и лорд Дэйтар достигнут брачного возраста, а виконт закончит эту вашу магическую школу и будет инициирован как маг. Ровно за год до катастрофы

это было. Но молодой виконт отказался, даже из дома сбежал. Ох и скандал был! А уж как наша красавица Даиссия ревела! Это же позор! Вам тогда и четырнадцати еще не исполнилось, а вы так гневались, аж искры летели – так переживали за бедняжку. И при всех поклялись... – Служанка осеклась, кинула быстрый взгляд на меня и прикусила губу, явно жалея, что сболтнула лишнее.

– И в чем же я поклялась? – как можно равнодушнее спросила я.

– Да так, глупости всякие говорили, уж простите, ваше сиятельство.

– Лисси!

– Вы поклялись, что Даиссия всем назло будет счастлива, – невнятно пробормотала Лисси и отвела взгляд.

Эх, Тиррина... На Светлых Небесах твоя сестра наверняка счастлива...

– Я любила старшую сестру, – кивнула я. Не потому, что помнила, а потому, что знала от других, какая она была.

Моя горничная за три года успела многое рассказать о жизни и чувствах Тиррины, а другие графские слуги, кто уцелел и осмелился остаться, подтверждали ее слова. Правда, таких было немного, в основном те, кто служил в городском особняке, а не в загородном поместье, где произошла катастрофа.

– Вы всех любили, миледи. Ваше сердечко всегда было большим, добрым и открытым даже простым слугам. И вас

мы все любили, а особенно ваши батюшка и матушка души в вас не чаяли. Маг-универсал не часто рождается в Риртоне, и говорили, что вы станете лучшей выпускницей школы. И молодой король вам благоволил, всегда вашего батюшку спрашивал о вашем здоровье, граф рассказывал. Вам прочили такую карьеру, какую и знатному мужчине сложно сделать. Гордость семьи! – Лисси вздернула нос, словно речь шла о ней самой.

Мне стало горько. Не за себя, Тамару Коршунову, которая никогда не знала магии, а за Тиррину. Ясно, что ее семья была очень честолюбива. Любили ли они саму девочку или только будущие звезды на ее мантии мага?

Когда я поняла, чье тело заняла моя душа, было жаль, что дар Тирры оказался выжженным после катастрофы. Магия избавила бы меня от опеки Гинбисов, им никто бы не доверил одаренную девочку, – ни школа, ни король. И замуж меня нельзя было б выдавать, пока не исполнится двадцать один – возраст полного раскрытия и контроля мага. Да, жаль, что моя душа землянки до сих пор была невосприимчива к тонким силам этого мира.

– И когда Дэйтар стал графом? – спросила я.

– Так в ту же ночь, как и вы стали графиней, миледи, – тяжело вздохнула горничная. – Говорят, его отец скончался от сердечного приступа в собственной постели и титул перешел к его единственному наследнику. Подумать только, молодому лорду как раз исполнился двадцать один год, вече-

ром отметили совершеннолетие, а наутро такая трагедия...

Удивительное совпадение, и оно мне не нравится.

Так не нравится, что в правый висок снова болезненно кольнуло. «Вьюнок» сегодня озверел.

– Эти смерти как-то связывают? – спросила я.

– Нет, но... – Лисси опять стрельнула глазами в сторону двери. – Я вот думаю, почему молодой граф ни разу не навестил вас за три года? Он же, я слышала, в школе опекал вас, как старший. А уж когда вы из неуклюжего длинноногого цыпленка в девушку стали превращаться, у вас кавалеров полкурса было. Вы сами мне рассказывали. Ой, и озорная вы были, до того как... – Горничная, скользнув по моему разукрашенному лицу взглядом, снова всплакнула. На этот раз у нее в кармашке передника нашелся носовой платочек, и наволочка не пострадала. – Так вот, молодой виконт всех ваших ухажеров гонял и в хвост и в гриву. Он же некромант, да на пять лет старше, да умен и силен не по годам. Его там боялись все, кроме вас.

Бедняжка Тиррина, – посочувствовала я бывшей хозяйке моего нового тела. В моей школе учился старший брат моей закадычной подружки, так это был ужас, когда он взял над мной «шефство». После уроков не провожал, слава мирозданию, но на каждой перемене в класс заглядывал – проверял, жива ли. Ко мне никто из мальчишек-сверстников и подойти не осмеливался. А он относился ко мне как к болонке своей младшей сестры. Вот тоска-то была. И не думаю, что у

Тиррины и Дэйтара были другие отношения: слишком велика разница в возрасте. Это потом она сокращается с каждым годом, а десять и пятнадцать или тринадцать и восемнадцать – это разные эпохи. Дитя и дядя.

– Мы с дедушкой Бером ждали, что он этих Гинбисов на место поставит, – еле слышно прошептала Лисси. – Но граф ни разу не приехал. Хотя я не знаю, приходил ли он к вам в лечебницу.

– Там много кто приходил, Лисси, я всех не запомнила. Особенно в первые дни, когда я очнулась и меня допрашивали королевские дознаватели.

Я не хотела вспоминать те дни, очень уж они были тяжелыми, да и смешалось все в сплошную полосу ужаса, растерянности и боли.

Больница – жуткое место в любом мире. Единственную наследницу графа Барренса лечили не дома, и дело не только в скупости Гинбисов, положивших лапы на мое состояние. Лечебницы в этом мире всегда строились поблизости от источников силы и были оснащены стационарными магическими капсулами для самых тяжелых случаев. Там даже королей лечили. В особых палатах, конечно.

– Но все это не проясняет, почему «только не граф Ориар», Лисси, – припомнила я ее категоричный тон. – Лисси, почему я должна вытаскивать из тебя правду клещами?

Горничная уже застелила постель, взбила подушки и заботливо откинула угол стеганого одеяла. Меня прошиб

неожиданный озноб: может случиться, это последняя ночь, которую я проведу в этой постели. За три года я уже привыкла и к особняку, и к моим покоям из четырех комнат – будуара, спальни, гардеробной и уборной. Даже больше личного пространства, чем в папином коттедже, только без центрального отопления и вай-фая.

– Даже черствость Дэйтара Ориара не причина, чтобы мне бояться этого замужества. И разве в королевстве есть закон, по которому девушка не может выйти замуж за несостоявшегося жениха своей сестры? – допытывалась я. – Что я еще не помню, кроме клятвы?

Горничная снова тяжело вздохнула, покосилась на дверь, словно нас могли подслушать за толстенным дубовым препятствием.

– Не велено мне говорить, миледи. Эти стервятники надеются, что вы ничего не знаете. Они же правды никогда не скажут.

– Лисси. Ты не им служишь, а мне.

И горничная решила.

– После того как молодой Дэйтар отказался жениться на вашей сестре и уехал куда-то за границу, якобы на обучение, от него отстали. Но после смерти его отца за дело взялся сам король, и приказом принудил его жениться на другой знатной девушке, невзирая на траур. Тогда вся столица судачила: виданное ли дело! Но храм благословил. Видать, причина была. Обручились летом, в точности в эти же дни, как вас

собираются обручать. Молодая, как полагается, уехала в его родовой замок, а осенью умерла.

Рука у меня дрогнула, и я заехала кисточкой себе в глаз.

– Ох!

– Бедняжка даже не дожила до консур... консут... Ох, вылетело у меня, каким хитрым словечком последний этап магического бракосочетания называется.

– Консуммация?

– Да-да, оно самое! Смотрите-ка, вспомнили! – расплылась в улыбке молодая женщина.

Еще бы знать, чем отличается магическое бракосочетание от обычного! Может, под консуммацией подразумевается не только первый секс между супругами?

– И с тех пор каждый год его женят, – вздохнула Лисси. – А бедняжки не доживают до конс... ну, до того, чтобы из нареченной стать настоящей женой. Даже предположить невозможно, какой рок их преследует. Сгубить вас решили эти окаянные Гинбисы! – всхлипнула Лисси. – Ведь если вы умрете от руки мужа, когда они не несут за вас ответственности, то по завещанию наследство ваше у них останется! Не удивлюсь, если они сами предложили вас королю как невесту.

– Подожди... – Я промокнула глаз, аккуратно нанесла точечки красной «сыпи». Лисси уже смотреть не могла на то, что я вытворяю с лицом. – То есть три девушки погибли, а этот мерзавец до сих пор не в тюрьме? И король не

осудил его за убийства?

Горничная подсела ко мне ближе, взяла щетку для волос, чтобы помочь мне с косой.

– Так это слуги шепчутся, не доказано, что сам граф их убивал, – проговорила она еще тише. – Да и видели люди только закрытые гробы. Тайна, покрытая мраком, что с несчастными произошло, и говорят, даже маги не могут доказать причастность графа, либо сам король покрывает преступления своего любимца. Потому все помалкивают.

Холодок ужаса коснулся спины. Я поежилась. Как ни заманчива была возможность выйти из-под опеки Гинбисов, но не такой же ценой!

– А как же отцы его жен? – спросила я. – Они тоже молчат, правды не ищут? Не все же были круглыми сиротами, как я?

– Все, миледи. И только первая его жена была из титулованных дворянок, а две – простые горожанки. Король разрешил Черному Ворону даже мезальянс, лишь бы женить его. Из ровни-то никого не заставишь, дураков нет. И богатства никакие не нужны, жизнь-то дороже. Вот только Гинбисы рады-радешеньки.

– Какой ужас! Спасибо, Лисси. Ни за что не выйду за него! Вот так возник наш маленький заговор.

Но даже если бы Лисси не рассказала мне кошмарные сплетни о королевском некроманте, мне хватило бы утреннего происшествия, чтобы бежать от алтаря без оглядки.

Наряд привезли утром.

Изысканное платье цвета слоновой кости – кружевное, с атласной подкладкой, – привезли рано утром вместе с диадемой, покрывалом, туфельками, перчатками и шкатулкой с нежным жемчужным комплектом, полагавшимся юной невесте по этикету.

Платье снова примерили, и оно село идеально по фигуре – видимо, не обошлось без магии, иначе такая скорость необъяснима.

А за час, пока меня причесывали служанки, перевивая волосы жемчугами, оно истлело.

Как саван, пролежавший в земле вместе с трупом.

На манекене висели почерневшие, попахивающие затхлостью обрывки кружевной ткани, когда-то составлявшие мой свадебный наряд. Визгу среди служанок было столько, что я едва не оглохла, а моя решимость бежать от жуткого замужества любой ценой окрепла.

Гинбисы, скрипя зубами, отправили гонца к королю, а еще одного посыльного – в ближайшую модную лавку за новым платьем для невесты. Этого часа и общей суматохи нам с Лисси и Бером хватило, чтобы усовершенствовать наш придуманный ночью план бегства.

Увы, глаз с меня не спускали до самого отъезда, и бежать не удалось.

Зато, кажется, удалось спрятаться и сорвать церемонию...

Пока я вспоминала мое вчерашнее унижение и отчаяние,

шум на улице усилился – от парадного все домочадцы перебрались в сад.

Я не меньше двух часов просидела в пыльной гардеробной, прислушиваясь к беготне по дому и суете в саду, где сначала ожидали исчезнувшего садовника Бера, потом пытались вытащить из колодца простыню и тюль подручными средствами, а когда не получилось, кто-то сообразил отремонтировать сломанную лестницу и начались поиски молотка и гвоздей.

Домочадцам, в отличие от меня, скучать не приходилось.

Я кое-как расшнуровала и стащила с себя платье и криолин, переоделась в скромную серую одежду служанки, припрятанную среди ковров. Спрятала свадебную рваную роскошь туда же, в ковер, свернув его рулоном. Не сразу найдут.

Надела старенькие кожаные башмаки на голую ногу – все лучше, чем босиком. Расплела сложную прическу и натянула крестьянский головной убор – что-то среднее между чепчиком и колпаком. Сразу стало еще жарче.

Загримировалась на ощупь: в гардеробной не было зеркал. Надеюсь, вчерашняя тренировка не прошла даром. Теперь «выюнок» был скрыт за толстым слоем белил, нарисованной сыпи и размазанной по щеке саже. Ватные валики за щеками изменили овал лица – родная мать не узнала бы Тиррину, да еще и одетую в балахон прислуги.

Трижды повторила в уме таблицу неправильных английских глаголов, поизучала жизнь местной фауны – паучков,

мух и комаров. Пару раз в открытое окно залетали бабочки и пчелы. И одна настырная оса. Я терпеливо, не смея пошевелиться, сидела, пока насекомое ползало по свеженапудренной щеке.

И вдруг за окном раздались истошные крики и оглушительный визг.

Глава 2. Колодец с начинкой

Любопытство кошку сгубило, гласит мудрая земная поговорка. Мне бы ее помнить, ан нет. Я бросилась к окну, но с непривычки к чужой и неудобной обуви споткнулась о рулон ковра, куда в спешке спрятала платье, диадему и прочие драгоценности вместе с помолвочным кольцом.

Я упала и едва не расквасила себе нос. Рулон, ставший из-за моих юбок и кринолина толстым и рыхлым, слегка развернулся, показались белые кружева. Поправлять не стала, – визг не утихал, любопытство тоже, но я встала за портьеру так, чтобы не слишком было заметно снаружи.

К счастью или нет, комната была угловая, и окно выходило в сад. Благоухание лилий, цветущих прямо под ним, пропитывало сложенные в гардеробной вещи не хуже баснословно дорогих духов. Отсюда хорошо был видна вымощенная площадка с каменным колодцем, снабженным колесом с ведром на цепи.

Вот и мою занавеску обнаружили, – ухмыльнулась я, увидев толпу, окружившую колодец.

Странно. Не могут два клочка ткани вызвать такие крики и визги.

– Ой-ой-ой! Что теперь будет! – причитала наша кухарка.

– А-а-а-а! – визжала баронесса с моей гувернанткой медам Зисдрис.

– А ну, тихо! – гаркнул возвышавшийся над толпой Ирвин. – Отойдите подальше! Бер, вытаскивай и клади ее сюда!

Барон махнул рукой, указывая на любимую клумбу баронессы с королевскими лилиями.

Толпа отхлынула, расступилась, и я увидела старого Бера, с печатью ужаса на лице тащившего из колодца чье-то тело. Женское, судя по очень длинным, темным от влаги волосам, корсажу и облепившей ноги юбке. Тоже очень длинной. Бер, кряхтя, уже вылез из колодца по лестнице и тащил тело на указанную клумбу, а юбка все не кончалась. Голову женщины закрывала моя тюлевая занавеска.

– Не сюда! – заорала баронесса еще громче и показала на мощенную камнем дорожку. – Вон туда!

Бер послушно протащил утопленницу еще метра два, а серебристая юбка тянулась и тянулась из колодца бесконечным шлейфом.

Люди начали пятиться, заподозрив неладное.

И вдруг одновременно произошло две вещи: налетевший порыв ветра откинул занавеску, а юбка вытянулась из колодца змеиным жгутом и шлепнулась наземь с таким звуком, словно грохнулась тяжеленная рыбина.

Первый миг на это никто не обратил внимания – все взгляды сосредоточились на лице утопленницы.

– Светлое Небо, это же дочка конюха Аннель! – ахнула толстушка кухарка. – Помните, пропала месяц назад? Говорили, что сбегла с бродячим цирком, а она вона, бедная, где!

Для трупа месячной давности лицо девушки казалось на диво свежим.

– Да нет же! – не согласилась моя костлявая гувернантка. – Вы что, не видите, что это леди Тиррина? Она еще вчера обещала утопиться!

Мне было плохо видно из моего укрытия, но зеленоватые светлые волосы, пусть и потемневшие от воды, мало походили на мои. Прежде всего длиной.

– Какая же это Тиррина, медам Зисдрис? – возмутился мой опекун. – Вы что, не видите, какая это красавица? Ни следа от уродливого шрама и форма носа совсем не такая курносая! Где управляющий Рондик? Отправьте кого-нибудь за городской стражей!

– У Тирры такой же прямой аристократический носик, – возразила бледная Лисси.

– Не она это! – оборвал ее садовник Бер. – Чужачка. И недавно утопла, бедняжка, еще распухнуть не успела. Надо у матушки Зим спросить.

Матушка Зим – это наша бывшая ключница, доживающая свой век в персональной комнатухе рядом с кухней, в самом теплом местечке во всем доме. Она всегда жила тут, чуть ли не с момента строительства особняка. Говорили, домишко ее прежних хозяев стоял аккурат на этом месте, облюбленном еще пра-прадедом Тиррины, и был куплен вместе со служанкой. И еще говорили, что Зим уже тогда была древней старухой.

Баронесса и ее сынок попытались ее сдать в лечебницу для сумасшедших, когда вселились в графский дом, но у них ничего не вышло. И прогнать не вышло и откупиться. Кем на самом деле была матушка Зим, оставалось только гадать.

Я видела ее лишь раз, когда меня, Тамару Коршунову, оказавшуюся в теле юной графини, привезли сюда после лечебницы. Сгорбленная старуха с клюкой появилась в моей спальне. Я тогда чуть со страху не поседела, если бы волосы пятнадцатилетней Тирры уже не обзавелись сединой после пережитой катастрофы. Она возникла бесшумно, как привидение, склонилась, вгляделась в глаза и проскрипела:

– Вот оно как, получается... Выясни, кто тебя убил, девочка.

– Выясню, – непослушными губами прошептала я.

– И отомсти. За всех отомсти.

– Отомщу.

– Вот и славно.

Она повернулась и, шаркая и постукивая клюкой, ушла. С тех пор Зим не попадалась мне на глаза, а ее комнатка оказывалась пуста в любое время, когда бы я к ней ни заглянула.

Не успели послать мальчишку, как послышался стук клюки: бабка сама пожаловала в сад. Люди перед ней расступились, но матушка Зим близко подходить не стала.

– Уходите все, быстро, – проскрипела она. – Вы что, не

видите, что вытащили?

– Утопленницу, – буркнул барон, остальные не посмели подать голос.

– Кабы так! Вы колодезного духа вытащили. Ундины убили. Теперь вся вода отравленная будет, пока проклятие кто-нибудь не снимет.

Старик Бер вскинулся:

– Да она уже была того, мертвая. Не шевельнулась даже, пока я этакую тяжесть нечеловеческую тянул!

– Зачем тянул-то, дурень, ежели понял, что не человека тащишь?! – Матушка Зим сердилась не на шутку.

– А что мне, дохлятину в колодце оставлять?

Утопленница не согласилась с оскорбительным словом и трепыхнулась. Поднялась на локтях, и я увидела ее лицо. Очень похожее на то, какое я видела в зеркале в первые дни после того, как очнулась в этом мире, но без ожогов. Вместо ожогов на красивом лице существа, на обнаженных руках и плечах проступала серебристая чешуя. По всему телу ундины пробегали какие-то голубые узоры, словно письма, после чего чешуя чернела и отваливалась. Красавица за одну минуту превратилась в страшилище с вылезшими из рта клыками и выпученными, превратившимися в бельма глазами. Завоняло тухлой рыбой.

Люди, замороженные зрелищем, оцепенели. Я даже дыхание затаила и вцепилась в гардину покрепче. Да и матушка Зим словно онемела.

Мертвая ундина снова дернулась, да так мощно, что сшибла хвостом и Бера, и барона. А последнего еще и хвостом огрела по голове, и тот уже не трепыхался, в отличие от Бера, шустро, хотя и на четвереньках, покидавшего клумбу с королевскими лилиями.

Народ отмер и с визгом и криками бросился врассыпную, но еще один удар длинным хвостом сбил с ног половину из них. А потом... Я глазам не поверила, когда хвост разделился, превратившись в зазубренные щупальца, и они обвинили ноги визжавшей баронессы и гувернантки и дернули к мертвой ундине! Хотя какая уж тут мертвая?

Подтянув верещавших дам к себе, ундина-упыриха схватила их за униженные перстнями руки и, склонив морду с оскаленной пастью, обнюхала их пальцы, словно решала, которая из жертв вкуснее. Первой кошмара не выдержала гувернантка – сомлела и осела наземь как куль с мукой. А ее испуганная хозяйка удвоила и громкость голоса, и рывки. Бесполезно.

– А ну отпусти их, тварь проклятая! – гаркнула матушка Зим с крыльца и так треснула палкой по ступеньке, что показалось – искры посыпались. Не показалось: слегка запахло дымом, а старуха ругнулась: – Ах ты ж, совсем сноровку потеряла! Бер, поди-ка сюды, да притащи воды, еще пожара нам тут не хватало!

А ундина-упыриха, бросив гувернантку, длинным черным языком лизнула безымянный палец на правой руке ба-

ронессы – тот самый, на котором носят невесты помолвочное кольцо (а жены в этом мире надевают после брачной ночи парное к нему на средний палец, вдовам же положено лишь железное кольцо на указательном пальце левой руки). Затем чудовище повело носом в воздухе и вдруг, отшвырнув баронессу, заверещало еще истошнее, громче и противнее, чем даже баронесса, но не на одной ноте, а с какими-то переливами и свистами, словно бешеный дельфин.

– Бегите! – вклинился в паузу вопль матушки Зим. – Это зов! Бегите же!

Бежать никто не мог. Нестерпимый визг ундины словно высверливал дырки в черепе и выпивал мозг. Господи, так, наверное, верещат баньши. Колени ослабели, и я не упала только потому, что когда-то успела обмотаться гардиной и повисла на ней. А люди ничком, зажав уши, валились наземь.

Бер, тащивший ведро с водой, тоже споткнулся и осел наземь. Ведро покатилося, расплескивая воду, превращавшуюся на земле в густую и черную, как нефть, жидкость. Матушка Зим возвысила голос, стараясь перекрычать зов мертвой ундины, и читала заклинание, впрочем, настолько невнятно, что я ни слова не понимала, но запах гари уменьшился.

Да хоть бы поскорей заткнулась эта дохлая рыба-переросток! – взмолилась я.

И Небо услышало мою молитву. Увы, не Светлое, а Темное Небо.

Ундина заткнулась, и эта внезапная тишина показалась

оглушительной и зловещей.

Черные нефтяные пятна на земле сами собой сложились в пентаграмму. Она полыхнула мерзким болотным огнем, и появился... Я, конечно, первый раз в жизни видела демона, но уже столько фильмов насмотрелась в родном мире, что ни с кем его не перепутаю. Натуральный демон. Жуткий, высокий, и до чертиков харизматичный.

Огромное чешуйчатое существо с хвостом, рогами и мерзкой клыкастой и бородавчатой мордой – это не про него. Этот был вполне симпатичен... со спины. Если и с хвостом, то его не видно под длинной хламидой с разрезом на мускулистой спине и полураспахнутыми сизыми крыльями, почему-то светившимися голубоватым светом. Никак у него в перьях неоновая подсветка спрятана?

Демон повернул голову вправо, влево. Жаль, морды не вижу.

Профиль тоже хорош. Горбоносый, скуластый, с завитым за ухом рогом. Интересно, он их сбрасывает по осени, как олени? Если сбрасывает, то из таких рогов роскошных два кубка получится. А приручить, так можно сервиз на двенадцать персон за шесть лет собрать... И какого такого сизокрылого демона мой мозг опять ушел в отпуск? Разве опасность миновала? Или приметы перестали работать?

Демон нетерпеливо рыкнул, совсем как папина сторожевая, а мертвая ундина что-то свистнула по-дельфиньи и, вытянув подгнившую перепончатую конечность, показала пря-

мо на мое окно.

Боже, боже!

Я едва успела шарахнуться в сторону, прежде чем призванный рогач оглянулся.

Многострадальная и, как оказалось, ветхая гардина затрещала, петли, на которых она была подвешена, оборвались, и я, замотанная в ткань, рухнула мешком. Все, что успела – повернуть голову набок и, выдернув локоть, прикрыть лицо.

Удар был мягким, повалилась я на свернутые и сложенные в углу ковровые дорожки. Но нога в щиколотке подвернулась, и я едва не взвыла от резкой боли. Из глаз брызнули слезы, я зажмурилась. Это и спасло от алой лазерной вспышки потустороннего света, – я ее даже сквозь закрытые веки ощутила.

Вместе со вспышкой в комнату через окно ворвался демон. Так людей и без зрения оставить можно!

Его расплывчатый из-за моих слез силуэт я опознала по крыльям и хламиде. В фильмах такие существа обычно боялись света, а этот... Или я с вампирами перепутала? Интересно, как он с таким орлиным размахом крыльев и плеч в узкое окно пролез и не застрял?

Демон огляделся – о, а он и на морду породистую хорош, не только фигурой! – и чихнул. От души чихнул, до слез, брызнувших из черных глаз. Крыльями меньше махать надо! Поднятая его вторжением пыль кружилась в воздухе.

Рогач втянул носом воздух. Зря он это сделал.

– А-апчхи-у! – раздалось с подвыванием.

Я подавила рефлекторное «будь здоров». Он и так здоровущий, под два метра.

Но этот глупец повторил попытку принюхаться. Разумеется, с тем же результатом.

– Пчхи! – чихнул еще раз горбоносый обладатель неземной синей кожи, длинных иссиня-черных волос индейца и мощных рогов, закрученных, как у архара.

Зачем демонам горнокозлиные рога? – опять отвлекся мой шокированный мозг. Какая у них эволюционная функция? От волков защищаться или биться за самок? Или рога что-то вроде антенн? Радаров?

Словно услышав мои мысли, демон резко повернулся в мою сторону. Я затаила дыхание, прикинувшись ветошью. Ткань удачно закрывала мне лицо, оставив лишь небольшую щель для обзора. Но вот локоть наверняка высунулся. Правда, в углу среди ковровых дорожек...

Отвернулся. Спасибо, Небо!

Его взгляд остановился на торчащих из ковра кружевах. Он шагнул...

И тут шевельнулся «выюнок» на виске, впившись в кожу так, что я зашипела. Демон мгновенно оглянулся.

Мышка это прошуршала. Мышка! Понятно? Серая. Тощая. С голым хвостиком. Уже убежала, нет ее.

Демон принюхался, чихнул и направился к коври с завер-

нутым в него платьем.

И тут как по сигналу за окном рвануло – ослепительный разряд голубой молнии озарил мир. А через несколько мгновений хор голосов закричал невнятно, но с немалым оживлением:

– Вашество! Вашсияство! Сюда! Там!

И еще одна яркая вспышка. И чей-то мучительный, смертный вопль. Что там происходит?

– Хрр! – Лицо демона перекосила гримаса ненависти, он дернулся было к окну, но передумал, метнулся к ковру, сгреб объемный и тяжеленный рулон, как пушинку, закинул на плечо, не обращая внимания на посыпавшиеся из ковра драгоценности.

Прочертив в воздухе большой двухметровый овал выстрелившим из когтистого пальца лазерным лучом, синекожий житель Нижнего мира ступил в портал и исчез.

Запахло поджаренной горячей пылью.

Я не полезла к окну узнавать, кто балуется в саду громами и молниями. Мне хватило потрясений. Прихрамывая, я заторопилась к двери. Оттолкнула жалобно звякнувшую диадему и бриллиантовое обручальное кольцо, подавила порыв прихватить пару жемчужин из порванного колье – если найдут у служанки драгоценности, никакая маскировка не поможет.

За дверь я выскочила как раз в тот момент, когда кто-то, яростно ругаясь до невозможности неприличными словами,

бежал к окну.

Я захлопнула дверь и даже ключ за секунду вставила и повернула. Со страху, не иначе. И побежала в глубь дома, но тут же споткнулась о валявшуюся на полу подставку для зонтов, отлетела в угол и растянулась, хорошенько приложившись лбом о стену. Не рой другому яму...

– Ох, деточка! – услышала я сквозь гул в ушах участливый голос матушки Зим. Лба коснулись ее пальцы, сухие и жесткие, как веточки. – Ушиблась?

От ее прикосновения боль прошла удивительно быстро. Старушка, придерживая меня за плечи, помогла приподняться и опереться о стену, поправила на мне съехавший на затылок помятый чепец. И вовремя: из сада в дом вбежали перепуганные слуги, за ними, поддерживая друг друга, ввалились баронесса с гувернанткой. Выглядели они ужасно, словно их пожевала и выплюнула дохлая ундина – мятые, бледно-зеленые, растрепанные. В самый раз в храм на церемонию обручения.

А потом на пороге появился опекун с красным помятым лицом и огромной шишкой на лбу. Красавчик. Моя спасительница выпрямилась и встала так, что ее юбки совсем меня загородили.

– Где он? – рявкнул Ирвин. Надо отдать ему должное, он старался держать в руках и себя, и слуг.

Дверь в гардеробную распахнулась, словно и не была заперта, но обзор загораживала матушка Зим, и я услышала

лишь незнакомый голос. Красивый голос – низкий, глубокий, как бархатная ночь, и весьма насмешливый:

– Вы не меня ищете, барон? Или вашего рогатого гостя?

– Упаси Небо его искать, милорд!

– Демон ушел, можете быть спокойны. Вряд ли он вернется. Похоже, он забрал ту, за кем приходил. Шсаррихва!

Матушка Зим осуждающе покачала головой.

– Ай-я-яй, милорд! Здесь дамы!

– Простите, матушка Зим, сорвалось, – покаялся незнакомец. – Но как не ругаться, когда у меня из-под носа украли невесту?

Ого! Так граф Ориар все-таки явился собственной персоной! Нестерпимо захотелось на него посмотреть хотя бы одним глазком. Но, во-первых, опасно даже обесцвеченной ресничкой шевельнуть, а во-вторых, из-за широких юбок матушки Зим ни меня не видно, ни мне ничего не видать.

– Но вы же не разорвете помолвку, ваше сиятельство? – испугался опекун.

– Я? – возмущенно зазвенел голос моего жениха. – Еще как разорву! Она сняла помолвочное кольцо, барон. Вы передали ей, чтобы она ни в коем случае его не снимала? Она подписала договор, в котором специально оговорено мое требование. Она его читала?

– Конечно, ваше сиятельство!

Лжец. Ничего он мне не говорил, и договор не дал прочесть!

– Итак, моя невеста попыталась бежать, – констатировал некромант.

– Не может быть! Отчего вы решили...

– Пыталась, барон. Не вздумайте мне солгать. Иначе как понять, что ее туфелька валяется на крыльце? Дайте-ка ее сюда... Благодарю. Кстати, где вторая? Впрочем, ни к чему, хватит и одной для заклинания поиска. На обуви оно лучше работает, чем на драгоценностях. Второе: она зачем-то сняла мое кольцо. Демон не мог этого сделать при всем желании. Она сняла кольцо добровольно. Стоит ли удивляться, что ее глупостью тут же воспользовались враждебные силы?

Глупостью? Этот... ворон с вороньим мозгом... сказал – глупостью? – едва не зарычала я, но получила от матушки Зим пяткой по ноге, к счастью, по здоровой. Хотя такими темпами у меня здоровья не хватит.

– Но приказ короля, ваша помолвка... – заикнулась баронесса.

– С кем? – оборвал ее граф Ориар. – Я не вижу невесты. Два часа назад должна была начаться церемония, но она сорвана! – Злости в его голосе хватило бы на десяток демонов. – Я выставлен на посмешище перед всем королевством! Договор нарушен. Кольцо возвращено. А невеста сбежала с демоном! Какая может быть помолвка? Неужели вы надеетесь, что после всего я возьму в жены опозорившую меня девицу, да еще и побывавшую в объятиях порождения Бездны?

Ах ты, некромантишка облезлый! – неслышно зашипела

я. И получила еще один пинок от бабки. Больно!

– Милорд, а как же честь? – пафосно возмутился Ирвин. – Уверен, тут нет вины моей подопечной. Она не сбежала, ее украли! Неужели Черный Ворон его величества стерпит такую пощечину от низших сил?

Голос графа заledenел.

– Осторожно, барон. Только тот факт, что я пока еще гость в вашем доме, не позволяет мне взять вас за шкирку и хорошенько проверить, действительно ли вам так дорога моя честь.

– Я... не хотел... и в мыслях не имел... Простите, простите, ваше сиятельство! – перепугался опекун. – Но что же нам делать?

– Для начала поищем пропажу и вернем домой, – смягчился бывший жених. – Потом накажем вора. Найдем, кто убил и поднял ундину, а поднять такое существо – очень непросто, поверьте. Нужно пригласить магов воды, чтобы очистить ваши колодцы от проклятия и заразы, иначе жить тут будет невозможно еще не одно столетие, и можно забыть об этом особняке, его никто не купит. А вы что скажете, матушка Зим? – неожиданно спросил некромант.

– А что тут скажешь, милоч, что тут скажешь... Я-то, старая, ничего в вашей шмагии не понимаю. Так, знахарка-деревенщина. Вот боль заговорить могу, простуду прогнать, бородавки вывести да порчу снять. А убийцу почуять – где уж мне!

– Жаль. А кто там у вас за спиной прячется?

Я перепугалась так, что сердце в пятки ушло. Закрыла глаза, изображая обморок. А матушка Зим спокойно повернулась, поправила на мне чепец, надвинув его на правый висок, легонько похлопала по набитой ватными шариками левой щеке.

– Служанка это, милорд, не видите разве? – проворчала старушка. – Сомлела вот, сердешная, от ужасов-то таких, вот я ее и пыталась в чувство привести, да только вы, господари мои, помешали.

Граф попытался подойти со словами:

– Так давайте помогу, матушка Зим!

– Ну уж с этим-то и я, старая, справлюсь, – замахала на него руками моя защитница. – Нешто господам больше заняться нечем?

– В таком случае, не буду настаивать, – развернулся некромант. – Идемте, барон, я воспользуюсь вашей лабораторией. Насколько я помню, у графа Барренса здесь была отличная лаборатория. Надеюсь, она еще цела. Вы же маг огня, барон?

– Слабый, – пробормотал Ирвин. – Пятая ступень еле-еле.

Опять врет. В меня он сегодня утром швырял настоящие файерболы, а они, как я читала в бесполезных для меня, но страшно любопытных учебниках Тиррины, доступны только с третьей ступени.

Наконец они убрались. И барон со своей матушкой, и

граф, и гувернантка с остальными слугами.

Глава 3. Каморка матушки Зим

– Поднимайся, милочка! – Старушечья рука потрепала меня за плечо. – Идем-ка скорее, пока они до лаборатории не добрались. У меня переждешь. Заодно и ножку твою полечим, горемыка ты наша неприкаянная.

Я еле поднялась и заковыляла за старой женщиной. Я хромая, она с клюкой – славная парочка. К счастью, идти было недалеко, через холл в другое крыло здания, где располагалась кухня и примыкавшая к ней каморка матушки Зим.

На пути нам никого не попало; слуги, пользуясь тем, что хозяевам не до них, разбрелись по углам. Им было о чем посплетничать.

Старушка толкнула дверь своей комнаты и посторонилась, пропуская меня.

– Иди вперед, деточка. Да не пугайся, никто не обидит.

– Я не... – шагнув в комнату я замерла, проглотив слово «боюсь». Может, настоящая Тиррина и привычная к таким зрелищам, а вот у занявшей ее тело Тамары Коршуновой волосы на голове зашевелились.

Боже, да кончится ли сегодняшний день когда-нибудь? Или хотя бы его чудовищные чудеса?

В носшибануло одуряюще густым травяным запахом, от которого сразу закружилась голова. Но не это меня остановило. По комнате ползали ядовитые змеи, и было их неве-

роютное количество. Они сплошным копошащимся ковром покрывали деревянные половицы, свивались в клубки, поднимали головы и угрожающе шипели. А по голым стенам карабкались огромные жирные пауки, сцепившись сплошной паутиной сетью.

– Проходи-проходи, – ласково пригласила матушка Зим, легонько подтолкнув в спину. – Что встала? Я и забыла, что сторожку взвела!

Она хлопнула в ладоши. То, что я приняла за сеть на стенах, изготовившиеся к броску змеи разом шлепнулись на пол и превратились в яркий деревенский половик, вязанный из разноцветных тряпок. Никогда бы не подумала, что в ином, магическом мире бабульки так же рачительно прибирают в хозяйстве каждый лоскуток.

– Вот теперь можно, краса ты наша ненаглядная. Прости уж меня старую, напугала тебя. Совсем памяти не стало. Иди-иди, не бойся, не укусит, – фыркнула старушка, заметив, что я не решаюсь ступить на узорчатый половик. – Садись. Набегалась уже.

– А вы все же волшебница, матушка Зим, – выдохнула я и решительно прошла к столу. Выдвинув стул с очень подозрительной вязаной накидкой на сиденье, рухнула без сил.

– Чуть-чуть, – не стала отпираться колдунья.

– Помню. Бородавки, порча... – Я выразительно покосилась на половик.

Старушка тихо засмеялась, сверкнув удивительно белыми и крепкими зубами, поправила выбившуюся из чепчика седую прядь.

– Проголодалась, поди? – спросила она.

За два года моей жизни в особняке это была вторая наша встреча. И она ни разу не обратилась ко мне так, как полагается по этикету. Только «милочка», «деточка»... Неужели догадывается, что Тиррины в этом теле нет? Я поежилась.

– Нет. Идти мне надо, матушка Зим, пока барон с баронессой гостя принимают.

Зеленые глаза колдуньи ярко сверкнули.

– Далеко не уйдешь. Ворон-то силен, найдет в два счета. Везде, кроме этой комнатушечки. – Она с хитрой улыбочкой обвела взглядом помещение, в котором и мышь не спряталась бы.

Кровать на высоких ножках, стол с вылинявшей и местами заштопанной скатертью, три колченогих стула и пара сундуков у окна – вот и все убранство, если не считать развешанных по стенам бесчисленных мешочков и связок трав.

Если не знать, что жилище матушки Зим находится в огромном и богатом особняке, – настоящее логово деревенской колдуньи.

Женщина прошла вдоль стены, провела ладонью по подвешанным связкам свежих трав и мешочкам, словно по струнам арфы, сняла пару пучков и принялась растирать в ступке. Остро запахло зверобоем и полыню.

– А если прикажут все помещения обшарить?

– Зачем? Тебя же демон унес. Все видели, как он в окно гардеробной влез, а потом там твои рассыпавшиеся драгоценности нашли. А если и сунет кто нос... Ты ведь тоже ни разу меня тут не нашла, как ни искала, так ведь?

Иллюстрацию ее слов я могла наблюдать минут через пять, когда колдунья, приготовив зелье, заставила меня стянуть башмак и наложила на распухшую ногу компресс из кашицы, туго затянув сверху полотняным бинтом.

Едва она успела нарисовать кисточкой на полотне руны и прошептать заклинание, как из коридора донесся глухой топот деревянных башмаков. Звуки затихли за дверью. В следующий миг она распахнулась, явив веснушчатую мордашку рыжего помощника конюха.

– Матушка Зим, вас барон в кабинет требует! – выпалил парнишка, встав на пороге. Обшарил комнатку быстрым взглядом, нахмурился досадливо. – Нету. Эх... Куда же она подевалась? – Он развернулся, захлопнув за собой дверь, и унесся с воплем: – Матушка Зим, где вы? Матушка Зим, к хозяину велено!

Старушка довольно улыбнулась, глядя на мою ошарашенную физиономию.

– Что я говорила? И в упор смотреть будут, а не увидят. Но вот что скажу: зря ты бежать надумала, дитятко, – вздохнула старушка, когда крики затихли вдалеке – мальчишка явно к конюшням побежал. – Избавилась бы от этих сквалыг

навсегда.

– Но не такой же ценой!

Бабка, осуждающе качая головой, налила в большую и глубокую миску воды из кувшина, ополоснула руки и вытерла вышитым рушником.

– А что будет, подумала? Демон-то уже понял, что его обдурили, а они ох как не любят в дураках-то ходить! Придет за тобой, стоит только нос отсюда высунуть.

– Зачем я ему? Он же за невестой явился? А жених уже помолвку разорвал.

– Плохо. Ой, как плохо. Он разорвал как раз для того, чтобы тебя спасти, дуреху. Чтобы демоны, враги его исконные, тебя против него использовать не могли. И будь ты действительно похищена, тебя бы это спасло от козней проклятых. Но теперь уж не знаю, не знаю. А ведь как хорошо все сложилось! Оба пристроены были бы. И тебе хорошо, и дому, и...

У меня закралось нехорошее подозрение, даже в груди похолодело.

– Так это вы поспособствовали моему замужеству, матушка Зим? За некроманта, о котором ходят жуткие слухи? За чернокнижника, угробившего уже трех жен?

– Ах, да чтоб у болтушки Лисси чирей на языке вскочил! – сердито свела брови старуха, а зеленые глаза зажглись гневом. – Наговорила тебе ужасов! Трупов никто не видел, хоронили пустые гробы. А лучше Ворона тебе никого не найти. Помогла бы ты ему, да и он тебе.

– В чем помогла?

– Ты бы точно продержалась полгода, девонька. В тебе я уверена. – Она поймала мой взгляд и не отпускала, а ее ладони нашли и крепко сжали мою руку, чтобы не вырвалась. – Если уж ты с того света выкарабкалась, да еще два года после лечебницы тут живешь и ничего не чувствуешь, ни единая ворожба тебя не задела. Даже моя.

Губы у меня мгновенно пересохли.

– Вы... вы хотели меня известить?

– По первости хотела. Я все наблюдала за тобой, чужая душа. Изучала. Думала сначала, ты бесовка из Нижнего мира, Тиррину нашу убила и вселилась. В сны твои хотела заглянуть. А заглянула когда, жалко мне тебя стало. Невиновная ты. Безобидная. Гостья небесная ты. В мертвое уже тело упала солнечным лучом и потерялась. Затянул тебя наш мир и запер.

Слезы невольно выступили на глазах, а я думала, все уже выплакала три года назад, больше не стану. Я сморгнула, шмыгнула носом.

– Я не знаю, как это произошло, – призналась. – В своем мире я была счастлива. Мой отец, хоть и не граф, был богат. Я ни в чем нужды не знала. Мой мир по сравнению с вашим – рай, пусть в нем и нет магии. Если бы знать мне, как вернуться, ни секундочки бы не медлила, ни мига!

– Верю, верю, милая. – Колдунья успокаивающе погладила мою руку, а у меня как гора с души свалилась.

– Почему же вы раньше не сказали, что поняли все обо мне?

– Я сама должна была это понять. У бесовки бесполезно спрашивать, они мастерицы притворства и обмана. А с честной душой все со временем видно становится. Но и когда я убедилась, что зла в тебе нет, я не могла вмешиваться напрямую, только направлять.

– А я обрадовалась, что вы мне поможете.

– Нет. Ты сама должна понять, как и почему случилось твое падение в наш мир, и найти путь назад. Я не знаю этого и не могу знать. Я только в нашем мире что-то могу, да и здесь не всемогуща. Мое дело – беречь это место. – Матушка Зим обвела задумчивым взглядом стены и улыбнулась. – Вне его у меня и силы, как у травинки. Тебе мог помочь некромант, раз уж ты вселилась в мертвое тело. А сильнее Ворона я никого не знаю. Выдать тебя за него замуж, это была замечательная идея. Я и подсказала ее Гинбисам.

Я вытянула ладонь из капкана ее рук.

– Вряд ли что-то получилось бы из этой идеи, матушка Зим. Если он экзорцист, то изгнал бы мою душу и получил бы мертвое тело. Но это еще не значит, что я вернулась бы в собственное. Оно наверняка похоронено три года назад и гниет в земле. А возвращаться в скелет... Такого ужаса я не хочу. Не таким ли образом получают упыри и зомби?

– У вас будет о чем поговорить с графом Ориаром, – лукаво улыбнулась колдунья. – Пойми... Как было твое имя?

– Тамара.

– Красивое имя. Даже чуть-чуть похожее на имя нашей погибшей девочки, которую мы даже похоронить не можем. Меня снова продрал озноб от ее взгляда.

– Я не хотела.

– Твое счастье, Тамара. Твое счастье... Потому я тебе и помогаю. Ты должна вернуться, и для этого должна сделать все, чтобы получить помощь Ворона. Но прежде чем вернуться, ты должна найти убийц графской семьи. Если бы ты стала женой Ворона, тебе было бы проще. Твой статус позволял бы обратиться к самому королю за помощью в расследовании. Но теперь... Теперь ты все испортила. И как же я просмотрела ваш заговор? Да и злодейство в саду просмотрела! Старею... – Матушка Зим, пригорюнившись, облоко-тилась о стол и подперла щеку кулаком. – Ну хорошо, вот ты сбежала, дитя небесного мира. И куда намеревалась пойти?

– Во дворец. Подать прошение королю, чтобы отменил свадьбу, потому что договор был подписан насильно. Я его даже не подписывала, Ирвин сделал оттиск с моего пальца.

– Ты же сама понимаешь, что магическую печать не под-делать. А то, что девушка наутро передумала, не повод на-рушить прямой приказ короля. Я понимаю, от Лисси трудно ждать большого ума. Но ты-то могла сообразить! Без денег, без связей, без крыши над головой...

В чем-то она была права, наш горячечный план больше смахивал на бред, но совсем безумным он не был. Деньги у

меня есть на первое время. Немного драгоценностей я еще ночью отдала Лисси, а она спрятала их в саду в тайном месте.

– Я могла бы ночевать в приюте, – сказала я. – Нашла бы работу.

Матушка Зим пренебрежительно фыркнула:

– Работу? Да стоит на твои ладони взглянуть, чтобы понять, что ты белоручка. Твоим домом стал бы притон, милая. Ты совсем не готова к жизни в жестоком мире за этими стенами. Тебя избили бы и ограбили в первом же переулке, потому что порядочные девушки носа не высунут без сопровождения, а в одиночку ходят либо магички, либо шлюхи. Ты не магичка. Продолжать?

– Не надо. Меня проводил бы во дворец Бер или его племянник.

– Его племянник – запойный пьяница и вор. Он проводил бы тебя до первого борделя и продал сутенеру. Хорошо, что у тебя не получилось бежать, дитяtko. Но не сможешь же ты сидеть в этой комнате всю оставшуюся жизнь, да я и не позволю. Ты когда-то поклялась мне найти убийц рода Барренсов, и ты должна выполнить клятву. Помни, только поэтому я тебе помогаю. А сейчас... сейчас тебя ищет и Ворон, и демон, даже не думай, что разрыв помолвки его теперь остановит. И весь вопрос в том, кто найдет тебя первым.

Я перевела взгляд на дверь. Некромант все же лучше, чем рогатый демон. У него голос приятнее, и он не чихает от пыли. И крылья, я поняла, хороши только в аниме. А в жизни

ими только пошевелишь, как все вокруг разлетится, что не приколочено. А в спальне каково? Только представить, как такой петух-переросток на тебя вскочит... Светлые небеса, о какой ерунде я опять думаю? Уфф... Значит, жизнь налаживается, и мой мозг заранее расслабился. Слишком рано, надо сказать.

– У тебя сейчас два выхода, Тамара, – поморщилась чем-то недовольная колдунья и перевела взгляд на залитое солнцем окно. – Первый – самый простой. Выйти сейчас из комнаты, подняться в кабинет и признаться в неудачном бегстве. Брачный договор тут же будет вновь подписан и помолвка состоится. Обручальное кольцо-оберег вернется на твою руку, и ни один демон не сможет к тебе приблизиться.

– Нет. Граф выместит на мне всю злость за свой позор. Он меня уже возненавидел, а если я признаюсь, он меня просто убьет, а потом поднимет, чтобы замаскировать убийство. Странно, кстати, почему он со своими невестами так не поступил. И я не хочу выходить замуж по чьей-то указке, пусть даже королевской. Я хочу любить и быть любимой. Я хочу сама решать, кто станет отцом моих детей, с кем разделить и постель, и судьбу. И чтобы это было взаимно. А быть послушной куклой, игрушкой в чужих руках я не желаю.

Старушка, пристально глядя на меня, медленно улыбнулась и, поднявшись, протянула мне руки.

– Вот сейчас ты настоящая Барренс, дитя. Именно такой и была наша Тиррина. Храброй, твердой, опасной, как клинок.

Я тоже поднялась, и женщина мягко прижала меня к груди, признавая своей.

– А второй выход? – отстранилась я.

– Второй для тебя более сложный. Помни – первое, что тебе сейчас нужно, это получить защиту от демона. Ты не нужна некроманту, но он нужен тебе.

– Я же сказала...

– Выслушай, Тамара. Он нужен тебе не только для защиты от демона, с этим и сильный артефакт справится, если хватит денег его купить. Королевский Ворон нужен тебе, чтобы найти путь домой. Вороны далеко летают и многое видят, что не видно нам, обычным магам от мира сего. И для этого не обязательно выходить за него замуж. Можно купить его услуги или... заслужить его дружбу, и он поможет.

– А вы не можете его попросить? Мне показалось, вы с ним знакомы.

– Нет, дорогая. Не могу. Только ты сама.

– Почему?

– Ты не понимаешь магической сути просьб и одолжений. Лучше ты будешь должна Ворону, чем мне. Ты и так мне слишком многое должна.

Когда успела? – удивилась я. Она поняла по моему взгляду невысказанный вопрос и улыбнулась снисходительно.

– Хотя бы за то, что я оставила тебе жизнь и не выдала никому твою тайну. И расплатиться становится день ото дня все тяжелее. Не привязывай свою душу к нашему миру же-

лезными цепями долга.

И тут законы кармы, – вздохнула я, признавая ее правоту.

– Я могу лишь попросить его взять тебя в замок служанкой. Ты же хотела найти работу? Вот и будет тебе работа.

Угу, трупы после его некромантских опытов закапывать или мантию от гнили отстирывать, – содрогнулась я.

– Решайся, милая. Невеста или служанка?

Ненависть мужа или грязь и прах. Презрение или омерзение. Замечательный выбор.

– У него как раз освободилась должность экономки. Ты же умеешь писать и считать? Вот и замечательно.

Экономки в моем представлении – старухи возраста матушки Зим, с огромными связками ключей на поясе.

– Но мне всего восемнадцать.

– Тиррине восемнадцать. А тебе?

– Двадцать три исполнится осенью.

– Когда? – подобралась колдунья.

– В моем мире это было двадцать второе сентября. Сентябрем у нас называется первый месяц осени.

– Вот оно как... – Матушка Зим легонько сжала мои плечи, вглядываясь в глаза так, словно хотела проникнуть в мой мозг через зрачки. Отпустила, погладила извиняющимся жестом. – Вы родились в один день, получается. Дэйтар родился в ночь с двадцать первого на двадцать второе число первого месяца осени. Любопытное совпадение, очень любопытное... А насчет внешности не беспокойся. Я же волшебни-

ца, – подмигнула она. – Сделаю тебе лицо, достойное такой высокой должности в замке Черного Ворона. И твой ожог замаскирую получше, чем пять слоев пудры. Зато у тебя будет своя спальня, гостиная, высокий оклад и свобода, в том числе от мужчины. Да еще и вся защита, какой граф Орияр одаривает своих слуг. Впрочем, у невесты еще больше помещений, власти и слуг, но не будет свободы и оклада.

Бабка слишком уж соблазняла.

– Но я ничего не понимаю в управлении замками!

– Тебе и не надо, там есть управляющий. А для понимания тонкостей я тебе подсказчика дам. – Матушка Зим подошла к окну, поворошила какие-то бурые комочки, лежавшие под солнечными лучами на полотенце и похожие на сушеные бобы. – Что ты решишь?

Прежде чем я открыла рот, старушка поспешно добавила:

– Но помни, статус служанки – не самое лучшее для девушки в нашем мире, и у тебя будут связаны руки для расследования давней трагедии. Вернуть все на круги своя и стать снова невестой – самый удобный для всех выход. Главное, ты сможешь на полном основании разыскивать преступников и навестить сгоревшую усадьбу. Гинбисы-то не давали тебе и носа из дома высунуть. Боялись, вдруг что случится с тобой, и они без твоего наследства останутся. А без помощи я тебя и так и эдак не оставлю.

Я опустила глаза и стиснула руки. Главное для этой милой ведьмы – угли графского дома. А для меня – жизнь. И мой

мир.

Но я без поддержки ничего не могу в мире, где главное даже не деньги, а магия и титулы. Радует одно: я ей нужна. Так нужна, что она не стала прежде времени меня пугать или принуждать. Наоборот, она хотела держаться в тени до последнего. И если бы не мое бегство и не сорванное обручение, то матушка Зим так и оставалась бы невидимой тенью в графском особняке и дергала бы за ниточки незримо и неощутимо.

Я ошибалась, не старая баронесса Гинбис здесь главная паучиха, а вот эта милая сгорбленная старушка в чепчике, как у черепахи Тортилы. Только очков и панциря нет.

Скользнув взглядом по стенам, увешанным пучками трав в какой-то нечеловеческой гармонии, я вздрогнула. На миг показалось, что на стенах проступил узор замысловатой паутины, и мешочки с травами снова превратились в ожидающих добычи толстых пауков. Я тряхнула головой, прогоняя наваждение.

Даже удивительно, как колдунья прошляпила наш заговор с Лисси и Бером! Или она не прошляпила, а направляла, и явилась бы потом в роли спасительницы, заслужив мое безоговорочное доверие? Она и сейчас играет именно эту роль.

– Могу я узнать, кто вы на самом деле, матушка Зим?

– Зачем тебе это знать, дитя чужого мира? Ты впорхнула в наш дом, как воробышек в окошечко, и так же выпорхнешь, если не сломаешь тут крылья.

– Но почему вы так хотите отомстить за моих... за семью графа Барренса? Вы их родственница?

Колдунья, перебиравшая бобы (или то, что на мой земной взгляд таковым казалось), выбрала один, посмотрела за чем-то на просвет, удовлетворенно кивнула каким-то своим мыслям и спрятала боб в кулак. Ясно, что ответ я не получу.

– Определилась бы, Тамара, – прищурилась матушка Зим. – Тогда и вопросы задавай.

– Хорошо. У меня только один вопрос, ответ на который я должна знать сейчас. Вы сказали, что сможете изменить мою внешность. Как долго она продержится, и смогу ли я ее поддерживать без вашей помощи?

– Заклинания хватит на три месяца. Чтобы продлить, тебе придется кое-что сделать самой: правильно наложить мою мазь и выпить нужное зелье. Научу, справишься. А сама снять личину ты не сможешь. К счастью или нет, но магия моей Тиррочки покинула ее тело вместе с душой. Все-таки магия – это состояние души.

– Вот и причина, почему я не могу быть экономкой: разве в управлении хозяйством не требуется магия?

Глаза ведьмы радостно блеснули, но она поспешно отвела взгляд и уставилась на залетевшую в окно пчелу, тут же с истошным гудением шарахнувшуюся прочь.

Вот так-так... Неужели матушка Зим так настойчиво склоняла меня к тому, чтобы стать экономкой, думая, что я из чувства протеста выберу именно то, что ей надо?

– Магия не выше бытовой желательна, но не обязательна, – сказала колдунья. – Для господ главное – абсолютная преданность тех, кому они доверяют ключи от личных покоев. А таких в этот развращенный век трудно найти.

Я хмыкнула. Бабка свела сердито брови.

– А вот то кольцо, которое ты неосмотрительно сняла, давало тебе не только защиту от любой направленной на тебя магии, но и наделяло способностью видеть плетения и даже тех магических существ, которые предпочитают оставаться невидимыми, например, айэ.

– Как я понимаю, графских жен это не уберегло?

– Они не успели стать женами. И мы не знаем, что с ними случилось, – дернула она плечом. – Если быть осторожной, не снимать амулеты и обереги, а я тебе еще и свои дам, ты будешь в безопасности.

Ну да. Безопасность на краю бездны или вулкана, готового в любой момент рвануть. Нет уж. Быть четвертой и потенциально мертвой невестой графа Ориара я не хочу.

– Я выбираю... стать экономкой.

Не скрою, было приятно видеть мимолетное разочарование, тенью задевшее лицо матушки Зим. Но старушка тут же надела маску невозмутимости, принимая мое решение.

– Теперь вы ответите на мой вопрос, какое отношение вы имеете к семье графа Барренса?

– Тебе сложно будет понять мою связь с кровью Барренса, если в вашем мире нет магии.

– Но есть волшебные сказки. Попробуйте.

– Хорошо. Пару сотен лет назад прапрадед Тиррины купил клочок земли, где стояла моя лачуга. Город тогда был совсем маленьким, и тут была окраина. Купил из жалости: мой дом грозили сжечь вместе со мной и построить на этом месте храм. Видишь ли, я – хранительница этого места, и меня можно убить, но не изгнать.

– Что в нем особенного?

– Сила, дитя, сила. Но не каждый может ее взять. Тот Барренс смог принять его силу и мое благословение, и мы заключили договор. Он применил все свое влияние, отстоял землю и предоставил мне место внутри своего дома. С тех пор я – наставница всех магически одаренных детей семьи Барренсов, а Тиррина была лучшей из них. Она могла бы стать... впрочем, уже неважно. Она была моей надеждой. И теперь я хочу отомстить тем, кто отнял у меня надежду.

– Вы и с бароном Гинбисом заключили договор, поэтому его магия так усилилась? – осенила меня догадка.

Старуха недовольно поджала губы, но кивнула утвердительно.

– А что мне оставалось делать, Тамара? Вместо моей любимой ученицы в дом приволокли ее обгоревшее тело с чужой душой внутри. Ирвин Гинбис стал хозяином дома и мог продать его храму Небес за огромные деньги. Просто огромные, тебе не представить. Ведь они до сих пор помнят обо мне, только и ждут момента.

И еще одна догадка пронзила меня молнией, до металлического привкуса во рту.

– Вы... вы поэтому решили от меня избавиться, выдав замуж за графа Орияра с дурной славой душегуба? Но если бы я умерла, точнее, Тиррина Барренс, то все мое имущество перешло бы в казну!

Старуха тихонько рассмеялась.

– Вот и нет! Гинбисы три года зря не теряли. Ты удивишься, узнав, что почти разорена. А месяц назад они прибрали и особняк в свои руки. Заложили, перезаложили, тайком выкупили и оформили на свое имя. Ирвин тут полноправный хозяин. Не ты.

Получается, что у меня нет своего дома. Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная... Ничего. Верну. Все верну. Не мое, но не люблю, когда меня за дурочку держат, поэтому подавятся Гинбисы, не проглотят. Мне бы выбраться, а там посмотрим, можно ли опротестовать сделку. Мой родной отец еще и не такое проворачивал.

– А теперь, если ты решила и не передумаешь...

– Нет, не передумаю.

– Тогда мне нужно поговорить с Вороном, а потом мы займемся твоей внешностью. Не волнуйся, успеем. Ворон слишком зол, чтобы улететь, не отыскав нелегального некроманта, да еще и убийцу водного существа. Это как раз по его части.

Глава 4. Рождение Тайры Вирт

Матушка Зим отсутствовала очень долго. У меня уже живот свело от голода, и я жадно поглядывала на сушеные бобы – не погрызть ли хотя бы их. Останавливало незнание местной флоры, вдруг они ядовитые.

Дом наполнился чужими голосами. То и дело хлопали двери, слышались зычные крики: «Эй ты, поди сюда, тебе говорю...» и подобные. Похоже, допрос слуг шел полным ходом.

Пару раз в незапертую комнату вламывались посыльные, разыскивавшие колдунью, обшаривали взглядом помещение и с досадой удалялись. Заглянул даже какой-то чужак в черном мундире с бляхой в сопровождении неприятного остроносого типа и нашего молодого конюха. Эти двое даже прошли внутрь, испачкав грязью узорные половики, потрогали пучки трав, заглянули под кровать и даже под скатерть стола. Попытались открыть сундуки, но не преуспели. Помощник конюха только нервно икал с круглыми от ужаса глазами.

– Нельзя, не трожьте, матушке Зим не понравится!

Я в это время сидела за столом, сложив руки на коленях, ни жива ни мертва.

– Помолчи, мальчик, – проворчал остроносый и тщательно осмотрел, даже понюхал разложенные бобы. – Как интересно!

– Что это, мэйстр Ирв?

– Это, дражайший капитан, чудовищное и редчайшее на земле вещество: сушеные зародыши маргиссы. Справа – мужского пола, видите, сбоку беленькое торчит, как росток боба? Слева – женские. Эта мерзость использовалась в самой древней рецептуре, но это все, что я о них знаю. Маргиссы давным-давно вымерли, вероятно, как раз из-за таких охотников за их зародышами. Подробные рецепты не сохранились, только упоминания и плохо сохранившиеся рисунки. Не думал, что когда-нибудь увижу их. Разыщите-ка мне эту домашнюю знахарку! Занятная, должно быть, старуха.

Обнюхав каждый угол, даже пошептав бесполезные заклинания, маг ушел, сперев женский зародыш из левой кучки. Клептоман. Капитан последовал за ним. И ни одна змея не заступилась за бабкино имущество!

Но даже они не почували моего присутствия, словно я существовала в каком-то другом измерении, а для расследования дела по исчезновению невесты Королевского Ворона вряд ли отправляли слабаков.

И еще одна мысль беспокоила: если за дело взялись королевские дознаватели (а кто еще, если дело касается аристократической фамилии?), то моя Лисси может не устоять, это вам не барон. Впрочем, это даже хорошо. Меня же утащил демон, это все видели своими глазами.

Вспомнив о горничной, я задумалась. Сколько правды она мне говорила? Я привыкла ей верить, как и тем, на кого она

показала – садовнику Беру и поварихе Марите. И зла они мне не делали. Но сама Лисси...

Ведь я о жизни Тиррины знаю только с ее слов. Образ Тиррины рисовался в моей душе только по тем крохам, что мне о ней рассказывали Гинбисы (крайне мало, больше норовя унижить) и слуги, осмелившиеся со мной заговорить. Последних было мало, мощная фигура моего опекуна повергала в трепет и немногочисленных старых слуг, и новых.

И то, что я знала о Тирре со слов Лисси, противоречило тому, что я узнала сейчас.

«Вы всех любили, миледи. Ваше сердечко всегда было большим, добрым и открытым даже простым слугам. И вас мы все любили», – постоянно твердила мне моя горничная.

Если Тиррина была любимой ученицей матушки Зим, в ее сердце не могло быть любви, как нет ее в душе старой колдуньи.

Прозрение было крайне болезненным. Лисси, Лисси... Чье задание ты выполняла? Кто решил воспользоваться беспамятностью графской наследницы и вылепить ее характер? Не матушка Зим. Та знала, что моя личность чужая и вполне сложившаяся.

Почему Лисси согласилась подготовить мой побег? И куда бы он меня привел?

Что теперь гадать! Нужно просто помнить, что в этом мире друзей у меня нет.

Словно почувствовав, что мои мысли сосредоточены на ее персоне, в комнатку заглянула сама горничная.

– И тут старой ведьмы нет! – вздохнула Лисси и повернулась, чтобы уйти, но ее талию перехватила мощная рука.

– Вот и хорошо, что нет. Никто не побеспокоит. – И мужчина, втолкнув горничную в комнату, вошел сам и закрыл дверь на задвижку.

Я едва смогла сдержать вздох изумления, увидев опекуна. А тот, не теряя ни секунды, прижал Лисси к стене и впился поцелуем в губы девушки, одновременно задирая ей юбки.

– Только не здесь, – пискнула Лисси. – Умоляю вас, только не здесь! Это же ведьмино жилище!

– Я отлично знаю, чье это жилище, крошка, – сказал барон, жадно покрывая поцелуями слабо отбивавшуюся горничную. – Тебе бояться нечего, старуха нас поймет и простит. Ну же, не ломайся, я соскучился.

– Но в доме полно посторонних!

– Я *очень* соскучился. Мы быстро.

– За одну ночь соскучились? – фыркнула раскрасневшаяся Лисси. – Говорю же, не здесь! Я буду кричать!

– Кричи. Здесь никто не услышит. Заколдованная комната. И никто не станет ломиться. Тогда быстренько ротиком?

– Господин, не время, прошу вас.

– Ночью отработаешь вдвойне за этот отказ, негодница! – Опекун, слегка отстранившись, продолжал мять и тискать горничную, запустив одну лапу ей в декольте, а вторую под

юбку. — Теперь мы можем не прятаться от гадкой девчонки, и работа у тебя будет только одна, в моей постели. Получилось не так, как мы планировали, но так даже лучше. Пропажа без вести завещанием не предусмотрена, а от демонов она уже не вырвется. Или окончательно свихнется к тому моменту, как Ворон ее найдет, и мое опекунство станет пожизненным. Где драгоценности, которые она тебе отдала?

— А разве я их не заработала? — Лисси призывно облизнула губы, как заправская шлюха, и сама прильнула к хозяину, потеревшись всем телом, словно кошка.

Тот предупреждающе мягко взял ее за горло. Да. Правильно. Мне тоже хотелось ее придушить.

— Не шали, девка, — процедил барон. — Я ценю тебя, но не на такую сумму. Ты и так без награды не останешься. Ну?

Тяжко вздохнув, предательница вытащила из складок платья не очень пухлый, с кулак, кошель, положила его в протянутую руку любовника. Тот сразу потянул за завязки, высыпал драгоценности на широкую ладонь.

— Это всё?

Лисси кивнула. И получила мощную оплеуху.

— Дрянь! Обмануть меня решила? Я каждое колечко, каждый камушек в шкатулке Тиррины знаю! Девчонка до пятнадцати лет в золоте купалась и жемчугом в горшок ходила. Тут и половины украшений нет! Где они?

Лисси вытерла ладонью сочившуюся кровь из разбитой губы.

– Я... я все отдам, до последнего камушка, господин!

– А где фамильные украшения ее матери? Я тебе приказывал вынюхать, куда она их спрятала! Перед бегством она должна была все забрать из тайника, раз уж мы за три года его не нашли. Где они?

Он снова замахнулся, горничная рухнула на колени и обхватила его ноги.

– Не бейте! Клянусь, не знаю! Она не говорила мне! Она не помнит, совсем не помнит!

– Эта дрянь сказала, что пошла наверх за фамильным кулоном матери!

– Отговорка это была! Солгала она, господин, ничего она не помнит, клянусь. Уж я бы знала, она верит мне больше, чем самой себе!

Отпихнув служанку ногой, барон приказал ей встать. Открыл щеколду и распахнул дверь.

– Идем. Отдашь мне остальное. А за попытку обокрасть меня – никаких теперь наград!

И вытащил ее за руку, оставив дверь открытой настежь.

Я минут пять сидела, не в силах пошевелиться. По щекам сбежали слезы и капали с подбородка на льняную скатерть. Боже, как мне было себя жалко, дуру доверчивую! Так же, как в первый день, когда я очнулась на больничной койке в чужом мире и думала, что сошла с ума.

Никогда больше. Не верить. Никогда. Никому.

Шум из коридора наплывал волнами. Слуги шныряли туда-сюда, черными тенями проскальзывали маги, позвякивали шпорами стражники. Не уйти. Слишком оживленно. Да и куда идти без денег и документов, без провожатых?

Я даже города не знаю. За два года, как меня перевезли из лечебницы в особняк, я лишь несколько раз покидала дом, да и то в закрытой карете. Меня возили в ту же лечебницу, исцеление я проходила в несколько этапов, целители контролировали состояние, а заодно убеждались, что магия к графине Тиррине Барренс еще не вернулась.

А ведь я даже не знаю, какие таланты были у прежней хозяйки этого тела. Лисси говорила, Тирра была универсалом. Но разве можно теперь верить ее словам? Набор книг по магическим наукам в моей личной комнате убеждал, что это так, но книги можно принести, опекун, будучи магом, знает в них толк.

Нестерпимо зачесался «вьюнок», напомним о себе. Может быть, загадка его появления как-то связана с магией Тиррины Барренс? Мне нужно найти тех, кто хорошо знал виконтессу до трагедии и не связан дружбой или службой с Гинбисами.

И этот человек находится в доме.

И зовут его граф Дэйтар Орияр, некромант, Черный Ворон его величества, друг или недруг детства Тиррины, мой бывший жених. Кто, как не он, знал о способностях девушки? Ведь невозможно вернуть, если не знаешь, что возвра-

щать.

Веточка «выюнка» вылезла на ухо и куснула мочку. Интересно, на какую мою мысль татушка так сердито отреагировала?

Я поднялась, подошла к распахнутой двери и прислонилась спиной к стене рядом с косяком, прислушиваясь к обрывкам разговоров. И вздрогнула, когда в комнату быстрым шагом вошла матушка Зим, захлопнула дверь и, не увидев меня, всплеснула руками, уронив на пол толстую потрепанную книгу.

– Сбежала! Ах, что же она натворила, глупая! Пропадет ведь, а с ней и все мои надежды вернуть мою ученицу! А вы почему не остановили, бездельники? – Старушка погрозила стенам кулаком, и они опять поплыли, превращаясь в глазастые и шевелящие лапками паучьи сети. А за серой поутиной клубилось что-то багровое, жуткое. И моя спина ощутила шевеление...

С визгом я шарахнулось от стены, а бабка развернулась и сцапала меня за руку. Мгновенно логово обрело прежний чистенький вид.

– Вот ты где! – воскликнула колдунья. – Куда ходила?

– Никуда. Тут и была.

– А что визжала? Разве не узнала меня?

– Пауков боюсь!

Глаза старухи неимоверно расширились, а потом резко

сузились.

– Ты видела? Не может быть! Что ты видела?

– Паучка! Черненького! – выпалила я и, уходя от ее пронизывающего взгляда, наклонилась подобрать книгу. – На паутинке с потолка спустился прямо на нос!

Матушка Зим недоверчиво покосилась на мой нос и фыркнула:

– Нашла чего бояться! Пауки безобидные и полезные насекомые. Без них расплодилось бы полно всяких разносчиков заразы – комаров, мух, жуков. Людей мор бы выкосил без пауков. Их беречь надо, а не бояться. И они не кусаются.

– Некоторые кусаются.

– Ерунда, – отмахнулась матушка Зим и отвела мою руку с книгой. – Это я для тебя принесла. Тут советы по домоводству и примеры, как надо руководить слугами и вести учет в хозяйстве. Настольная книга Тирриной бабушки, она у нас вместо экономки была, каждый свечной огарок считала, сквалыга. Садись, обновим повязку на ноге и займемся твоим лицом.

– Так граф Ориар согласился взять меня в экономки?

– Сказать я ему про тебя сказала, и он согласился с тобой побеседовать, когда дознаватели уедут. Он не глядя-то никогда ничего не берет.

Отойдя от недавнего ужаса, я даже нашла в себе силы улыбнуться:

– То-то он на свою невесту даже не взглянул!

Старушка споро вытащила из сундука неглубокие чаши, серые и бордовые свечи, пузырьчики, полотняные салфетки, разложила их на столе и, забрав мои волосы в сетку, принялась колдовать над лицом. Ее прикосновения были почти невесомыми, но неприятными до омерзения: словно тысячи мохнатых лапок одновременно касались кожи. Я терпела только потому, что «крестная фея» Тиррины умело отвлекала мое внимание.

– А чего смотреть? – усмехнулась она. – Видел он Тирру тыщу раз уже. С пеленок знает, чай. Отцы-то дружны были, только вот Дэйтар и Тирра не очень. Мала она была для него. Умом еще не созрела, обзывалась, каверзы устраивала. Терпеть они друг друга не могли все ее пятнадцать лет, а уж после того, как он ее сестру старшую отверг, Тирра и вовсе его возненавидела. Вот и зол он жутко на королевский приказ был, даже в наш дом не приехал, чтобы самолично кольцо свое надеть. Но даже Ворон не может послушаться короля, клятва на нем крепкая.

– И его не смутило, что невеста уродина?

– Так он приходил к тебе в больницу-то, видел, что с тобой стало. Не помнишь?

– Нет.

И тут Лисси соврала. Зачем? Чтобы склонить меня к бегству от ужасного нравом и черствого сердцем жениха, – тут же ответила я сама себе. Может, некромант не так и плох, как его малюют?

– И вовсе ты не уродина. Ты дурищу-то Гинбиху поменьше бы слушала. – Продолжая заговаривать мне зубы, матушка Зим смешала в чаше жидкость из склянок (она вспыхнула, как газовая горелка), подождала, когда опадут язычки пламени, и нанесла горячую мазь на мое лицо. – Прежней Тирриной красы у тебя нет, но ты и не безобразна. Даже твой ожог неприличен, как метка бордельных девок, недопустим для благородной аристократки, но не ужасен. Пятно побледнеет со временем, почти незаметным станет.

У меня опять закрались подозрения: неужели только я вижу в зеркале «выюнок», а остальные – просто пятно ожога? Мы с Лисси никогда не обсуждали мой недостаток, но она всегда пыталась соорудить такую прическу, чтобы прикрыть мне виски.

Готово. Отступив на шаг, матушка Зим полюбовалась на дело своих то ли рук, то ли лап, покивала одобрительно головой.

– Ну вот, теперь тебя никто не узнает. А теперь дай-ка руки. У тебя слишком молодые руки, это подозрительно, милочка. Глаза пока не открывай, рано!

Закончив, колдунья вытерла мое лицо и руки влажным полотенцем.

– Можешь открыть глаза. Поди умойся, я полью.

Я подошла к умывальному тазу. Старушка поливала из кувшина, а я с ужасом смотрела, как краснеет вода в тазу. Она что, заживо с меня кожу содрала? И руки... Боже, боже,

что у меня с руками?

– Вытрись, – на плечо легло полотенце. – Через пять минут впитаются остатки зелья, и можно будет посмотреть, что получилось. Я пока принесу что-нибудь перекусить.

Вернулась бабка не одна, за ней шли две служанки, одна с подносом, вторая с зеркалом. Обе никак на меня не отреагировали.

– Поднос на стол, зеркало на подоконник поставьте, – распорядилась матушка Зим. – И помои выплесните!

Одна из девушек забрала таз и даже не поморщилась при виде кровавой жижи. Едва они ушли, я поспешила к зеркалу и ахнула, схватившись за щеки.

– Ну как? – горделиво спросила колдунья.

– Это не я!

– Не Тиррина, – кивнула старуха.

Из зеркала на меня смотрела довольно приятная дама лет двадцати пяти или чуть старше. Изменилось все: форма губ, глаз, овал лица. Исчезла девичья припухлость щек и губ. Скулы стали выше и четче, подбородок тверже, губы строже, и в их уголках залегла ироничная складка. Появились две совсем легкие морщинки у глаз и милые ямочки при улыбке. Теперь у меня были теплые карие глаза вместо холодных серо-голубых. И разрез их стал миндалевидный, как у земных южных девушек – слегка навывкате, с поволокой. И даже взгляд изменился. Руки выглядели на мой новый возраст и

выдавали, что их хозяйка не аристократка и знакома с физическим трудом.

Вполне может быть, что я выглядела бы почти так же в своем мире.

– С этим можно жить. Я ожидала худшего, – призналась я, отходя от зеркала. Показалось, я даже стала худее и выше.

Матушка Зим одобрительно кивала головой и лукаво улыбалась.

– Самое то, милочка. Младше нельзя – несерьезно. Красавицей писаной тоже нельзя – не получишь такую солидную работу. Дэйтар предпочитает приятные женские лица, но не смазливые. Я бы сделала тебя постарше, лет на сорок, но хватит и тридцати. Граф не любит нанимать в услужение старух. Говорит, они слишком брюзгливы. Хватит того, что твои волосы мы оставим седыми. Только не светлыми от природы, а темными. – Колдунья достала из кармана передника костяной гребень. – Садись, расчешу. А заодно ума прибавлю.

Последнюю фразу она прошептала одними губами, уже стоя за моей спиной, но я уловила это в зеркале. Мой настоящий отец-бизнесмен учил меня читать по губам, надеялся брать меня на переговоры с иностранцами, а такой навык в деловой жизни еще никому не помешал.

Расчесывая волосы, матушка Зим рассказывала мне поддельную биографию.

Итак, я теперь Тайра Вирт, единственная дочь бедно-

го безземельного рыцаря Симмерса Вирта. Низшая ступень аристократической иерархии, но не простолюдинка, и на том спасибо.

Сирота.

Это на тот случай, если граф начнет наводить справки, а он начнет.

Симмерс Вирт погиб во время турнира, а его жена то ли умерла во время родов, то ли исчезла сразу после них. Факт в том, что Тайра оказалась сиротой, и ее вынянчили и вырастили дальние родственники отца, жившие в глухомани у северной границы королевства. Девочка с детства отработывала каждый кусок хлеба до тридцати лет, пока в форпост Счастливая Подкова не нагрянул неизвестный гибельный мор.

Крепость сгорела. То ли обезумевшие и обреченные жители сами себя подожгли, дабы зараза не распространялась, то ли королевские маги сожгли строения вместе с трупами. Этого Тайра не могла знать. Реальная Тайра тогда же померла, вместе со всеми. А поддельная, то есть я, чудом уцелела и от мора и от пожара и пряталась по лесам, пока не добралась до столицы, прослышав, что в Королевском Благородном доме дают работу всем разорившимся рыцарям и их потомкам. Король не пренебрегает благородной кровью – именно в ней могут дремать зерна человеческой магии. Или не человеческой, тогда таких нужно тем более держать под контролем.

– С багажом все ясно, его нет. А как у меня с документа-

ми? – спросила я.

– Никак, – фыркнула бабка. – Все же сгорело. Потому ты и не попала сразу в Королевский Благородный дом, а магическая комиссия, которая может подтвердить твое право крови, соберется только через месяц. И ты, чтобы не умереть с голоду, начала искать работу. Но в твои тридцать лет, будучи старой девой...

Тут я зашипела, и старуха поспешно проговорила:

– Дитяtko, а что делать? Тиррина девственница, и это поймет любой маг выше третьего уровня с первого взгляда, и твое тело я не могу изменить *настолько* серьезно. Потому уж сама придумай причину, почему Тайра Вирт не познала мужчину до тридцати лет. Любовь, разбившая твое сердце, или обет, данный Небесам – главное, чтобы ты сама верила в свою легенду.

– Но я выгляжу моложе тридцати.

– Еще бы. Мать реальной Тайры Вирт – потомок айэ. Именно поэтому для Тайры были закрыты все монастыри и пансионаты Небес, даже если бы вдруг у ее отца остались бы какие-то деньги на ее образование.

Колдунья, закончив возиться с моими волосами, заколола мне косу вокруг головы резными гребнями, отошла на пару шагов полюбоваться работой, хмыкнула.

– Неплохо.

Я покосилась в зеркало. Мое отражение стало еще строже и величественнее, словно на меня надели корону. Что ж, с

этой внешностью я примирилась даже быстрее, чем с обликом пигалицы Тирры. И «выюнка» совсем не заметно, хотя я чувствовала свое украшение, никуда оно не делось, только ушло глубже. Жуткое ощущение.

– А кто такие айэ, матушка Зим?

В книгах Тирры встречалось это слово, и я примерно знала, что оно значит. Что-то вроде изначальных существ мира, который они называли Айэра (люди и маги называли эту планету просто – Мир, и считали айэ нечистью, с которой нужно бороться «чистым магам», духовным детям Небес). И еще знала, что между человеческими магами и айэ всегда были напряженные отношения. На Земле нет единого слова для волшебного народа, а тут вот оказалось – айэ. Но книги книгами, а древняя колдунья должна знать больше.

– Трудно объяснить, если в твоём мире нет магии, Тамара.

– Зато у нас есть сказки и вообще богатое воображение. И о домовых в нашем мире тоже известно, и об ундинах, и прочей нечисти.

Старуха недовольно поджала губы при слове «нечисть», пришлось извиниться, покаяться, и она быстро оттаяла.

– И куда же делись все эти существа из вашего мира? – заинтересовалась она.

– Не вынесли научно-технического прогресса и загрязнения окружающей среды, – глазом не моргнула я.

– Теперь понятно, почему у вас нет магии. Но это удивительно, ведь получается, у вашего мира нет души... Что ж, об

айэ тут известно всем и каждому. Это волшебные существа, живущие в магической реальности мира. Домовые, дриады, ундины, русалки – это все айэ. Их множество видов, не всегда дружелюбных друг к другу. Не только леса, поля, реки и камни могут быть жилищем айэ. В любой человеческой вещи, особенно с вековой или кровавой историей, может поселиться айэ, и у вещи появится душа. Айэ – это воплощенная магия. Теневой народ. На самом деле айэ – истинный народ этого мира.

– И вы – айэ? – озарила меня догадка.

– И я, – усмехнулась старуха, быстро скользнув взглядом по стенам. Связки сухих трав зашелестели, словно ветер пронесся по комнате. – Именно потому, что Тайра – потомок айэ, хоть и не унаследовавшая магию теневого народа, моя помощь будет выглядеть правдоподобной в глазах Дэйтара. И это же может объяснить некоторые твои странности, дитя чужого мира. Лучшей легенды и не придумать.

– Вы потому знаете о судьбе какой-то там дочери безземельного рыцаря?

– Айэ всегда наблюдают за своей кровью, она может внезапно проснуться даже в десятом колене.

– А маги разве не потомки айэ?

– Маги! – презрительно скривилась матушка Зим. – Людишки, возомнившие себя равными нам! Хозяевами нашей земли! Как седло не может быть лошадью, так и маг не может быть айэ. Айэ – ветер, а маг – крылья мельницы. Маги

могут ловить и использовать потоки силы нашего мира, но они никогда не станут живым сердцем этого потока.

– Почему тогда вы взяли в ученицы Тиррину, человека?

Старуха отвела глаза и ничего не сказала, но я уже все поняла.

– Десятое колено... В ней проснулась кровь айэ, так?

Матушка Зим вместо ответа подвинула к себе и раскрыла огромный гроссбух, забытый мной на столе.

– А теперь о твоих обязанностях экономки. У нас слишком мало времени, а тебе нужно многое запомнить...

– Подождите. Я вот чего не понимаю, матушка Зим. Вы говорили, что магия на меня не действует. Но ваши манипуляции с моей внешностью доказывают обратное!

Старуха на миг смутилась.

– Ах, милая, магия магии рознь. Разве в твоём мире нет лечебных трав? Они воздействуют на тело, но их сила совсем не магическая. Так и тут. Некоторые вещества нашего мира оказывают пластическое воздействие на строение кожи и даже кости, но это не полноценная магия. Именно поэтому ты самостоятельно сможешь обновить личину, когда закончится срок действия моих зелий.

– А гребень? Пока вы меня расчесывали, я запомнила каждое слово, а у меня не настолько развита память.

– У тебя прекрасная память, дитя чужого мира. Гребень лишь усиливает твои способности, не более. Как эхо в горах усиливает голос. Носи его не снимая, и ты справишься даже

с замком Черного Ворона его величества.

Я с подозрением прищурилась на колдунью, но она была сама доброжелательность и невинность.

Может, она и не лжет. В конце концов, есть же и в нашем мире методики развития памяти и когнитивных способностей, хотя магии нет. Все дело в технологиях.

Но верить ей я не могу. Посмотрим, что за гребешок. Проверим, как только вырвусь из паучьего логова. Хотя я и не унаследовала магию Тирры, но ведь в замке наверняка найдутся сведущие люди...

До самого вечера старуха мучила меня необъятным гресс-бухом и инструкциями по ведению хозяйства, прервавшись только на скромный ужин, но добилась только того, что я уверилась: проважусь. В первый же самостоятельный рабочий день проважусь, даже если мой бывший жених наймет меня на должность экономки.

Когда уже почти стемнело, а шум и топот в доме затих, старушка зажгла тусклые свечи, а служанка принесла пару приличных, хотя и скромных платьев для меня – одно на сейчас, второе на смену, – помогла мне переодеться и закрепить на косах легкую накидку, положенную по обычаю незамужней даме низшей аристократии вместо чепчика простолюдинки.

Серый цвет в сочетании с серыми полуседыми волосами сделали меня совсем невзрачной – родная мать не узнала бы Тирру.

Прощай, девочка.

У Тамары Коршуновой начинается новая жизнь под именем Тайры Вирт.

Глава 5. Черный Ворон его величества

Приближалась ночь. Я уже устала и сидеть, и стоять, и ходить вдоль стен.

Мой мозг, даже пришпоренный гребнями, отказывался воспринимать лавину информации о должностных обязанностях домоправительницы, иерархии слуг и устройстве замкового хозяйства, а граф Орияр все не вызывал кандидатку на собеседование. Может, надо было резюме в письменном виде подавать?

– А если он уже уехал? – в сотый раз спросила я матушку Зим, лежавшую на единственной койке не раздеваясь поверх покрывала.

– Здесь он еще. Мало дел разве? Сад обследовать, свидетелей допросить. Он только что с королевским дознавателем снова побеседовал и твоего опекуна позвал.

Колдунье не надо было выходить из комнаты, чтобы быть в курсе всего, что происходит в доме: кто где находится и куда идет. Удивительная осведомленность. Но даже если она знала еще и содержание разговоров, то мне об этом не сообщала.

Наконец о нас вспомнили.

Дверь в каморку матушки Зим содрогнулась от стука и,

едва колдунья успела вскочить с постели и оправить юбки, распахнулась, впустив бритого наголо мужчину в воинской форме – кожаные штаны и латы, скрепленные металлическими полосами и шишками. Безобразный рваный шрам на левой щеке делал его мужественное лицо уродливым.

На широкие плечи незнакомца был наброшен дорожный плащ, скрепленный рыцарской фибулой с гербом в виде летящей птицы с мечом в лапах. В местной геральдике я не разбиралась, но силуэт ворона узнать несложно. На оголовье меча, выглядывавшего из-под полы плаща, тоже виднелась воронья голова с глазами-агатами. И серьга в левом ухе напоминала птичью голову.

Неужели это и есть Ворон? Не может быть. Этому рубাকে лет тридцать пять!

Я вздрогнула, когда пристальный взгляд колючих глаз, скользя по колдунье, остановился на мне, а узкие губы скривились в неприятной ухмылке. Мне этот лысый тип сразу не понравился, я даже пожалела, что с моей невидимостью покончено.

– Эта, что ли, твоя протеежа, ведьма Зим? – спросил незнакомец, оглядев меня с ног до головы. Нет, все-таки он не граф Ориар, его голос оказался совсем другим, басовитым и грубым.

– Чего тебе надобно, сэр Гринд? – неприязненно спросила матушка Зим.

– Хочу посмотреть, какой гнилой подарочек ты пытаешь-

ся пристроить в наш замок.

– Твое ли дело наем слуг? – подняла бровь колдунья.

– Мое дело – все, что касается безопасности моего господина. Я должен проверить твою девку на ведьмовство.

Он еще и маг.

– А что, у графа самого силенок нет? – съехидничала колдунья.

– Будет он возиться со всякой швалью. Тебе меня сначала надо задобрить, ведьма. Без моего согласия не видать этой девке даже места в свинарнике, не говоря уже о замке.

Такой наглости я стерпеть не могла. Вздернула подбородок, процедила сквозь зубы:

– Не знаю, кто вы такой, сэр, но ваше поведение далеко от рыцарского. Я дама, а не девка.

– Дама? – гулко хохотнул грубиян.

– Я думала, ты окривел, Гринд, а ты совсем ослеп, бедняга, – фыркнула матушка Зим. К моему изумлению, колдунья оказалась знакома со светским этикетом и представила нас по всем правилам: – Достопочтенная мэйс Тайра, позволь представить тебе рыцаря Гринда, командующего гарнизоном замка Черного Ворона. Сэр Гринд, перед тобой мэйс Тайра Вирт, дочь рыцаря Симмерса Вирта.

– Мэйс? – переспросил грубиян, словно не расслышал принятое в этом мире обращение к незамужним девушкам. – Она еще и не замужем, в ее-то возрасте?

– Я дала обет Небесам, и мужчины меня не интересуют, –

процедила я, выдержав долгий неприязненный взгляд так и не поклонившегося наглеца.

Боги, почему мне так везет на мерзавцев? Если он – командующий гарнизоном, то сможет пакостить мне на каждом шагу. Я еще не принята на работу, а уже нажила врага.

Неизвестно, чем бы закончилось наше противостояние, но в комнату с запоздалым стуком ворвался мальчишка лет двенадцати, служивший посыльным у баронессы, торопливо поклонился и выпалил:

– Матушка Зим, его сиятельство просит вас подняться в кабинет вместе с вашей знакомой, если вам не сложно! Но если вы не можете, я мигом сообщу, и он сам спустится.

– Поднимусь, не рассыплюсь, – проворчала старушка.

Командир гарнизона не стал нас сопровождать. Фыркнув, отправился на улицу, и по всему первому этажу раскатился его бас:

– Седлай коней, живо!

Поднимаясь по лестнице, я тихо спросила у колдуньи:

– За что он меня так невзлюбил?

– Не обращай внимания, он такой со всеми женщинами с тех пор, как его молодая жена сбежала с бывшим секретарем Ворона.

– Я ее понимаю, от такого чудовища не грех сбежать. Их не нашли, надеюсь?

– Нашли и казнили. Ее за прелюбодеяние, а секретаря за предательство. Ворон такого не прощает.

Меня передернуло. Ну и нравы тут. Средневековые какое-то. Мракобесы. И зачем я по доброй воле лезу в гнездо убийц?

Следуя за мальчиком, мы поднялись на второй этаж, свернули в правое крыло.

Боги мои, я тут всего один день не была, а такое впечатление, что полжизни прошло. Да я вообще другим человеком стала! Это входит в привычку.

Резные двери кабинета распахнулись, и настроение упало ниже нулевой отметки: наглый гость по-хозяйски устроился в моем любимом кресле за моим любимым столом у окна. А ведь в огромном кабинете, совмещенном с библиотекой, был вполне солидный рабочий стол, похожий на бильярдный – большой, массивный, на львиных лапах, со столешницей, обитой зеленым сукном. За ним любил работать отец Тиррины. Но граф Ориар – а именно он, без сомнения, сидел к нам спиной – выбрал изящный ореховый столик и что-то быстро за ним писал.

Мой опекун стоял в двух шагах, не смея присесть. Лицо его было покрыто нервными красными пятнами, нижнюю губу он досадливо прикусил, и в целом выглядел как нашкодивший и побитый бульдог.

– Подписывайте, барон. – Граф, не обращая на нас внимания, хотя сопровождавший нас мальчишка доложил о нашем прибытии звонко и громко, подвинул к краю стола, побли-

же к Ирвину Гинбису, лист бумаги и магическое чернильное перо.

Опекун подошел на негнущихся ногах и, скрипя зубами, подписал документ, даже не читая. Видимо, содержание было ему хорошо известно. Отшвырнул перо и отвернулся. Видно было, что он старается держать себя в руках то ли из-за посторонних, то ли из страха перед некромантом. Граф, скрестив на груди руки, заявил:

– Даю вам два часа на сборы, барон.

– Это невозможно! Это... слишком мало. Моя матушка...

– Повторять не буду, – оборвал его некромант. – Что успеете собрать за два часа, с тем и уедете. Три года назад вы явились сюда с двумя саквояжами.

– Я буду жаловаться королю!

Мы с колдуньей изумленно переглянулись. Что тут вообще происходит?

– Жалуйтесь, – великодушно дозволил граф Ориар. – Как только вы раскроете рот, король получит всю информацию о ваших преступлениях. А теперь вон отсюда, и постарайтесь не попадаться мне на глаза. И еще, барон, я отлично знаю каждую вещь в этом доме. Мои люди проследят за вами. Если что-то пропадет из того, что принадлежало семье Барренса и лично леди Тиррине, я вас из-под земли достану. Понятно?

Развернувшись на каблуках, мой опекун выбежал из кабинета, едва не сбив меня с ног, я еле успела отскочить к

стеллажу.

А когда, проводив его спину ошалелым взглядом, повернулась к узурпировавшему мое кресло графу, встретилась с совершенно спокойными, даже смеющимися серо-голубыми глазами.

– Прошу меня простить, достопочтенные, – поднялся и слегка склонил голову Черный Ворон его величества, указывая на ряд стульев у стены. – Присаживайтесь.

– Что это такое было, сиятельство? – ворчливо спросила матушка Зим, усаживаясь на стул. Глаз ее упорно косил на подписанный бароном документ.

– Ах, это... Я только что купил у барона Гинбиса этот дом и прилегающую к нему землю.

Что?! Я едва не выдала себя, но вовремя прикусила язык и потупила взгляд.

А вот матушка Зим издала странный клопочущий звук, и граф, метнувшись к стоявшему на зеленом столе графину, плеснул воды в высокий серебряный кубок и подал его колдунье.

А я вполглаза рассматривала бывшего жениха. М-да, Тома... И зачем сбежала, спрашивается? Красавчик же.

Ничего особо зловещего и ужасного не было в этом молодом аристократе, кроме черного цвета одежды, серебряных перстней-артефактов с крупными черными и рубиновыми камнями и выгравированными на них пентаклями, черепами и еще какими-то знаками. Подумаешь, парень слегка

увлекается готикой. У каждого свои тараканы.

А черты лица у него тонкие, породистые, слегка испорченные скептической складкой в уголках губ. Нос крупноват, зато прямой и тонкий. Подбородок решительный. Глаза красивые, умные, но чересчур холодные. Изменчивые, как снег. Волосы черные, густые. Так и хочется стянуть удерживающий их ремешок и посмотреть, как они рассыпаются антрацитовыми перьями по широким загорелым плечам.

Так, Тома-Тирра-Тайра, прекрати облизываться. Что упало, то пропало. Наверняка у него характер дурной. Вон как моего бесстрашного опекуна запугал! И невесты у парня таинственно мрут, да так, что и хоронить нечего. И своего секретаря он казнил...

И правильно сделала, что сбежала.

– Ну-ну, не стоит так расстраиваться, матушка Зим, – говорил тем временем граф. – Для вас ничего не изменилось. Вы будете жить здесь, как жили.

– Но зачем тебе этот особняк? Своего мало? – Старуха пришла в себя, отвела в сторону его руку с кубком и взглянула так строго, что даже у меня мурашки по спине пробежали.

Некромант пожал плечами и отошел, затем сел за стол, развернув кресло так, чтобы не выпускать нас из виду.

– Этот дом мне не нужен. Я хотел сделать свадебный подарок невесте.

– Но Тирра исчезла! И ты сам разорвал брачный договор. А теперь все-таки завершил сделку, зная, что дом проклят,

и людям здесь жить нельзя, пока не найден убийца ундины и не свершится месть?

– Да. Я знаю, что ни один водный маг не рискнет пробивать здесь новый родник, и ни один архитектор не возьмется проводить водопровод. Но, видишь ли, матушка Зим, я узнал, что барон Гинбис после сегодняшнего происшествия собрался продать особняк храму Темных Небес, а этого я допустить не мог. Если я могу законно перейти темнорясникам дорогу, я это сделаю. Их сделка назначена на завтра. Возможно, она давно планировалась, и утреннее происшествие в вашем саду имеет к ней непосредственное отношение.

– Ах, какой негодяй! Он об этом пожалеет! – прошипела колдунья, и я побоялась смотреть в ее искажившееся гневом лицо.

– Не рекомендую пока его трогать. – Граф прищурился, глядя на старуху, и та, к моему удивлению, разжала стиснутые кулаки.

– Ты что-то узнал, Дэйтар? – жадно подалась она вперед. А некромант, наоборот, откинулся на спинку кресла, словно втайне желал оказаться подальше и от нас, и от этого разговора.

– Я уверен, что Ирвин вступил в сговор с темнорясниками, – сказал он. – Только у них есть сильные некроманты, не подотчетные гильдии магов, и им не нужно разрешение ковена на вызов.

– Но вызвать демона? Они же сами за такое на костер во-

локут.

Дэйтэр презрительно скривил губы.

– Разве первый раз? Их сложно выследить, они очень аккуратны и не оставляют свидетелей. Но садовник Бер нашел место, где их адепт пробрался в сад. На кусте роз остался свежий клочок мантии. А остаточная магия на несчастной ундине просто смердела темными рясами. Увы, наша гильдия отказалась зафиксировать след. Мол, слишком слаб и не может служить доказательством, а клочок может быть подброшен. Эти трусы боятся связываться с храмом.

– Значит, концов не найти, и дом скоро умрет... – печально прошелестела старуха.

– Посмотрим, что запоют Гинбисы, когда за них всерьез возьмется мое ведомство. – Граф задумчиво повертел в руках магическое перо. – И о чем поведает демон, когда я до него доберусь.

Матушка Зим воспрянула духом, даже улыбнулась.

– Но как ты сумел заставить Ирвина продать дом, Ворон?

– Я представил ему доказательства незаконности его махинаций, с помощью которых он заполучил особняк, – криво усмехнулся некромант. – И пригрозил тюрьмой, если он не пойдет на сделку.

– То есть ты давно готовился?

– С тех пор, как узнал, кого король сосватал мне в жены. Я решил, что никакими драгоценностями вашу избалованную Тиррину не удивишь, а вот вернуть графине Барренс ее фа-

мильное имущество было бы интереснее. В знак нашей старой... дружбы.

При этих словах его глаза сверкнули такой ненавистью, что мне стало понятно, как же на самом деле Дэйтар счастлив избавиться от невесты. Может, он сам и ундину убил, и демона вызвал? Все-таки правильно я сбежала.

– Ты еще не оставляешь надежды найти нашу девочку? – подалась вперед колдунья, пытливо заглядывая в его лицо.

– О свадьбе уже не может идти речи, матушка Зим, но я верну ее, если она еще жива. Как только узнаю имя демона, которому темнорясники пожертвовали Тиррину и получу от гильдии разрешение на его вызов. Или... есть еще способ, на самый крайний случай.

– Сам полетишь? – прошептала колдунья сочувственно.

Граф сжал перо во внушительном кулаке так, что оно треснуло и чернила закапали на ковер.

– Если понадобится.

Заметив безобразное пятно, он щелкнул пальцами, и с его руки сорвалось голубоватое сияние, длинным языком лизнувшее ковер. Через миг ни следа чернил не осталось на длинном ворсе, да и воздух в кабинете посвежел. Какой замечательный моющий пылесос, – восхитилась я. Думаю, в замке графа нет проблем с пылью и пятнами.

– Ну, хватит о неприятном. – Некромант уничтожил обломки пера и перевел взгляд на меня. – Представьте меня вашей спутнице. Вижу, девушка уже заскучала.

Матушка Зим повторила церемонию представления.

Граф внимательно рассматривал меня, скептическая складка губ стала глубже. Да и можно его понять. Кого он перед собой видел? Блеклую двадцатипятилетнюю мэйс в глухом сером платье, с красными от работы (на самом деле от аллергии на зелья) руками и печатью неудачницы на челе. И это в обществе, где девиц, не отмеченных магией, выдают замуж в пятнадцать, и только магиням позволено учиться до и совершеннолетия и полного раскрытия потенциала, а происходит это в двадцать один год.

Матушка Зим тем временем давила на жалость – рассказывала печальную историю сироты Тайры Вирт. И по всему выходило, что если граф не смирится и не пристроит сиротинку, то помру я тут же, не дойдя до порога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.